

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ ИЛИ
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ЛАБОРАТОРИЯ ПУБЛИЧНОЙ
СОЦИОЛОГИИ 18+

НЕ БУДИТЬ ВЕЛИКАНА

Кто, как и почему избегает
срочной службы в России?

лаборатория
публичной
социологии

Авторы текста — **Саша Каппинен** и **Илья Рошаль**
Методология исследования:
Саша Каппинен и **Аида Белоусова**
Интервью собирала команда **PS Lab**

ИЮНЬ 2024

Исследование посвящено потенциальным призывникам в российскую армию, их мотивациям и стратегиям избегания срочной службы, а также роли правозащитных организаций в этом процессе. Исследование основано на качественных методах (социологических интервью) и выполнено командой Лаборатории публичной социологии (PS Lab), независимым исследовательским коллективом, изучающим политику и общество в России и на постсоветском пространстве.

Аннотация

Исследование показывает, что потенциальные призывники рассуждают о перспективах срочной службы преимущественно в прагматическом ключе. Призывная армия встает поперек карьерных планов и частных интересов и воспринимается как бессмысленная потеря времени. Идейные мотивации к отказу от службы (например, пацифизм) вторичны. Срочная служба в армии воспринимается вне связи с боевыми действиями в Украине. Критические высказывания относительно войны с Украиной озвучиваются отдельно от критики института призывной армии.

Наиболее востребованные стратегии избегания службы подразумевают минимум контакта с государством. Они рассчитаны либо на то, чтобы обезопасить себя от его притязаний, заполучив надежное легальное основание избежать призыва, либо на то, чтобы исчезнуть из поля зрения военкомата. Альтернативная гражданская служба не воспринимается как реальная альтернатива армии и в ряде аспектов даже проигрывает ей. У потенциальных призывников нет запроса на помощь некоммерческих правозащитных организаций. Как АГС, так и правозащита, с точки зрения многих людей, несут в себе риск войти в прямую конфронтацию с государством, поскольку маркируют призывника в глазах официальных инстанций как «отказника». Напротив, платная помощь в избежании призыва — как часть сферы услуг — кажется многим людям более комфортной, надежной, безопасной и предсказуемой.

Позиция по отношению к срочной службе и ресурсы для того, чтобы ее миновать, напрямую связаны с социальным неравенством, в том числе в его региональном измерении (жители разных регионов России имеют разный набор привилегий).

Исследование содержит ряд практических рекомендаций, адресованных проектам помощи военнообязанным и более широкому кругу НКО, деятельность которых направлена на социальные изменения в России.

Оглавление

	Введение и задачи исследования	стр. 7
	Выборка и методология	стр. 11
	Структура отчета	стр. 15
часть 1.	Мотивации к отказу от службы	стр. 16
1.1.	ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ	стр. 19
	1.1.1 «Не хочу терять год жизни»: армия как нарушение карьерных планов	стр. 19
	1.1.2 «Полтора раза постреляли» или «армия армии рознь»: низкое качество срочной службы в России	стр. 21
	1.1.3 Риск оказаться на войне (угроза жизни)	стр. 23
1.2.	ИДЕЙНЫЕ МОТИВАЦИИ	стр. 24
	1.2.1 «Не подходит лично мне»: критика армии с индивидуальных позиций	стр. 24
	1.2.2 Значимое отсутствие: армия как «порочный» институт вне контекста войны с Украиной	стр. 28
1.3.	ЭКОНОМИКА УСИЛИЙ: СРОЧНАЯ СЛУЖБА КАК «МЕНЬШЕЕ ИЗ ЗОЛ»	стр. 31
1.4.	МОТИВАЦИИ К ОТКАЗУ ОТ СЛУЖБЫ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	стр. 33

часть 2.	Стратегии избегания срочной службы	стр. 34
2.1.	СТРАТЕГИИ ИЗБЕГАНИЯ КАК КОММУНИКАЦИЯ С ГОСУДАРСТВОМ	стр. 38
	2.1.1 «Неприкасаемый»	стр. 39
	2.1.2 «Невидимка»	стр. 43
	2.1.3 «Борец»	стр. 46
2.2.	ПОЧЕМУ АГС — НЕ АЛЬТЕРНАТИВА?	стр. 52
2.3.	ПРАВООЗАЩИТА? НЕТ, НЕ СЛЫШАЛИ	стр. 60
	2.3.1 Риск «разбудить великана»	стр. 62
	2.3.2 Правозащита как экстренная помощь	стр. 64
2.4.	ИЗБЕГАНИЕ АРМИИ КАК СФЕРА УСЛУГ	стр. 66
	2.4.1 Почему платная помощь популярнее бесплатной?	стр. 67
	2.4.2 Мир государства vs. мир услуг	стр. 71
	СТРАТЕГИИ ИЗБЕГАНИЯ СЛУЖБЫ: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	стр. 74
	Общие выводы	стр. 76
часть 3.	Практические рекомендации правозащитным организациям и сервисам помощи военнообязанным	стр. 80
часть 4.	В объятиях великана: кто не избегает службы в России и кому помогать?	стр. 83
4.1.	Отказ от службы как классовая привилегия	стр. 86
4.2.	Акцент на частные интересы	стр. 104
4.3.	Правозащита и недоверие к государству	стр. 107

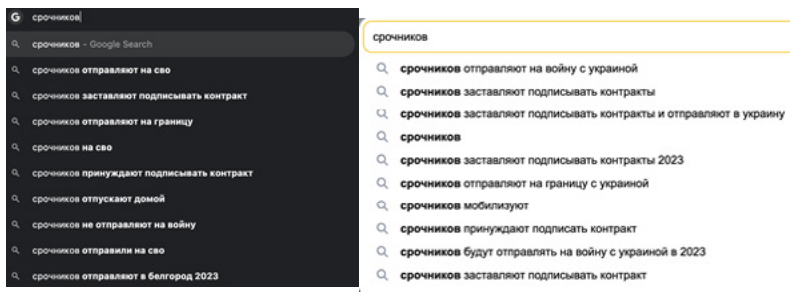

Введение

И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

С началом полномасштабного вторжения России в Украину в феврале 2022 г., и в особенности с объявлением мобилизации, солдаты-срочники фигурируют в информационном поле прежде всего в связи с военными действиями и рисками оказаться на фронте. Внимание негосударственных СМИ сосредоточено вокруг мобилизации, и срочники попадают в поле зрения журналистов именно как потенциальные солдаты для воюющей

*Примеры популярных запросов в поисковиках Google и Yandex

российской армии, которых вынуждают подписывать контракты и — зачастую обманным или насильственным путем — отправляют в зону боевых действий.

На этом фоне институт призыва на срочную службу оказывается в тени — внимание приковано к тем случаям, когда срочников незаконно отправляют на войну. Между тем, именно регулярные, законные, отработанные годами процедуры призыва на службу по-прежнему являются первым звеном в цепочке комплектования и пополнения вооруженных сил. В этом контексте помощь призывникам, которая раньше была в основном предметом деятельности специализированных коммерческих и некоммерческих организаций, привлекла внимание антивоенных инициатив, заинтересованных в том, чтобы как можно меньше людей попало на войну.

Команда одной из таких правозащитных инициатив обратилась к нам, Лаборатории публичной социологии (PS Lab), с запросом на исследование аудитории проекта помощи потенциальным призывникам.

Ориентируясь на поступивший запрос, в этом исследовании мы постараемся выяснить:

▶ Что **мотивирует** потенциальных призывников **отказываться от срочной службы?**

▶ Какие **стратегии избегания службы** в армии они знают и используют, какие кажутся им наиболее доступными и привлекательными, а какие нет, и почему?

▶ На какие **источники информации** потенциальные призывники опираются, рассчитывая избежать призыва?

▶ Какие **запросы** и **какие виды помощи** в избегании службы актуальны для потенциальных призывников?

▶ Какое место в планировании стратегий избегания службы занимают **правозащитные организации?**

▶ Как на представления о срочной службе, связанных с ней рисках, мотивациях ее избежать влияют **новые вызовы** — сам факт активных боевых действий, мобилизация, увеличение призывного возраста и введение системы электронных повесток?

Наша задача состояла в том, чтобы, ответив на эти вопросы, представить **образ идеального проекта помощи призывникам**, то есть дать ряд рекомендаций относительно того,

- как выстраивать **коммуникацию с целевой аудиторией проекта**
- на какие **типы предлагаемой помощи** имеет смысл сделать акцент
- как **позиционировать проект в информационном поле**

Мы решили опубликовать исследование, потому что находки и результаты показались нам достаточно интересными и потенциально полезными для более широкой аудитории, чем узкий круг сотрудников инициативы, по запросу которых мы его делали. Кроме того, исследование натолкнуло нас на размышления, которые позволяют выйти за пределы частного кейса и поставить более широкие вопросы. Эти вопросы касаются того, как распределяется правозащитная помощь в России. Мы вернемся к ним в Послесловии, где постараемся:

- обозначить возможные **расхождения в представлениях и запросах** россиян, которые потенциально нуждаются в помощи, и сотрудников инициатив, которые предлагают и распределяют помощь (дисclaimer: это имеет отношение к тому, что принято называть «либеральным дискурсом»)
- наметить заложенные в дизайн проектов помощи скрытые риски, связанные с **воспроизводством социального неравенства**
- высказать предположения о том, **почему помощь правозащитников**, даже безвозмездная, зачастую **не пользуется спросом и доверием** непривилегированных россиян, и объяснить, как эта проблема связана с представлениями людей о государстве

Выборка и методология

Обратившиеся к нам сотрудники службы помощи опасались, что информационная и консультационная поддержка, которую они и многие их коллеги уже оказывают, циркулирует в относительно герметичном «пузыре» из подписчиков знаковых оппозиционных медиа, активно вовлеченных в политическую повестку, а значит, не достигает менее подготовленной и осведомленной аудитории, на которую эта поддержка рассчитана. В то же время, сотрудники инициативы помощи опирались на «рыночный» здравый смысл: дотянуться до более «понятной», **социально близкой аудитории, не слишком далеко отстоящей от привычного «пузыря»**, будет проще и эффективнее.

Поэтому в условиях ограниченного времени и доступных ресурсов, мы приняли решение сузить круг информантов в этом исследовании **до жителей крупных городов, про которых известно, что они не хотят проходить срочную службу**. Для контекста стоит отметить: согласно количественным опросам, россияне, которые считают, что службы в армии лучше избежать, в заметном меньшинстве по сравнению с теми, кто смотрит на призывную армию как на долг «каждого мужчины» или как на долг перед государством [1; 2; 3]¹. То есть на общероссийском уровне мы исследовали носителей не самой популярной точки зрения.

Таким образом, нам предстояло понять, какие **представления о срочной службе и способах ее избегания**, а также связанные с этим **запросы на помощь** распространены среди жителей круп-

1 Эти опросы не выделяют ответы самих призывников в отдельную группу, а также не разбирают результаты по параметру пола, поэтому на их основании мы не можем делать выводов об уровне (не)популярности срочной службы среди мужчин призывного возраста (а именно они интересуют нас в этом исследовании).

ных российских городов призывного возраста, которые:

- не желают проходить срочную службу в армии;
- скорее не являются аудиторией оппозиционных СМИ с антивоенной повесткой и не выражают активную политическую позицию, но при этом и не отстают от «пузыря» слишком далеко (между собой, мы условно назвали эту группу «не в пузыре, но и не в танке»).

Мы рекрутировали информантов через ряд Telegram-каналов, а также методом «снежного кома», взяв за отправную точку личные контакты. Итоговый массив данных преимущественно состоит из интервью с потенциальными призывниками (30 интервью). Нам также удалось поговорить с 5 родственницами (в основном матерями потенциальных призывников). Кроме того, мы взяли 3 экспертных интервью у представителей правозащитного сектора для более детального погружения в контекст их работы с потенциальными призывниками.

В выборку попали жители крупных российских городов (преимущественно Москвы и Петербурга, но не только) и/или региональных центров. Большинство наших информантов имеют высшее или незаконченное высшее (иногда — среднее специальное) образование, а около четверти опрошенных учатся, либо закончили обучение в магистратуре. Интервью собирались летом и осенью 2023 года.

В результате нескольких стадий рекрутинга в финальную выборку вошли как люди «из пузыря», так и находящиеся вне его (примерно поровну)². Сразу отметим, что это кажущееся поначалу важным противопоставление оказалось практически нерелевантным в контексте представлений о срочной службе и стратегиях ее избегания.

2 Люди из «пузыря» попали в нашу выборку, поскольку на первой стадии рекрутинга мы воспользовались имеющимися у нас в доступе медиа-ресурсами — несколькими ТГ-каналами дружественных антивоенных СМИ, где разместили open-call для поиска информантов. Мы рассчитывали дотянуться до людей, находящихся «на расстоянии рукопожатия от пузыря» через лояльных подписчиков выбранных ТГ-каналов.

Учитывая это обстоятельство, в представлении результатов анализа мы не будем делить информантов на две группы по параметру меди-апотребления и включенности в антивоенную повестку.

Стоит также отметить, что **большинство наших собеседников** на момент интервью **не оценивали свое положение** (или положение своего родственника) **относительно перспективы попадания в армию как критическое или безвыходное**. Все информанты из числа потенциальных призывников имеют либо временную отсрочку (от полутора лет до нескольких недель), либо — по собственным представлениям — не находятся в зоне непосредственного внимания военкомата. Трое информантов имеют опыт обращения в организацию «Призыва.нет»; еще трое временно уехали из страны в связи с угрозой быть призванными на службу.

Никто из информантов не являлся активным сторонником войны, но некоторые не имели четких взглядов на ситуацию: часть из них можно описать как не-противников войны, часть — как сознательно нейтральных и аполитичных.³ Остальные придерживались антивоенных взглядов.

Абсолютно все наши информанты утверждают, что **не готовы отправляться на фронт и участвовать в боевых действиях в Украине**; некоторые прямо говорили о том, что в крайнем случае предпочтут сесть в тюрьму, чтобы не идти воевать.

При этом, хотя одним из основных критериев отбора информантов было их нежелание проходить срочную службу, в процессе исследования мы поняли, что **степень готовности попасть на службу**

3 См. классификацию в отчетах Лаборатории публичной социологии «Далекая близкая война: как россияне воспринимают военные действия в Украине» (февраль-июнь 2022) и «Смириться с неизбежностью: как россияне оправдывают военное вторжение в Украину?» (осень-зима 2022).

в армии среди наших собеседников существенно разнятся. Перспектива службы для заметной части информантов представляется хоть и мало привлекательной, но гипотетически возможной, и не исключается полностью. Кто-то рассматривает такую перспективу как весьма вероятную, остальные просто готовы рассуждать о службе в армии в гипотетическом ключе.

Забегая вперед, следует отметить, что **отсутствие** в сознании многих информантов **прямой связи между институтом срочной службы и текущей войной** стало для нас одним из неожиданных открытий исследования. К этой теме мы подробнее обратимся в основной части.

Структура отчета

Весь текст отчета можно условно разделить на четыре части.

В первой части подробно анализируются **мотивации к отказу от службы [1]** у потенциальных призывников. Во второй части мы рассматриваем **стратегии избегания срочной службы [2]** (в частности, мы предлагаем классификацию стратегий по степени их привлекательности и непривлекательности для информантов с точки зрения **коммуникации с государством [2.1]**); отдельно рассматриваются представления наших информантов об **альтернативной гражданской службе [2.3]** и о **правозащитной помощи [2.4]**.

В третьей части на основании конкретных предложений, адресованных обратившимся к нам сотрудникам инициативы, мы составили общие **рекомендации по дизайну проекта помощи потенциальным призывникам [3]**, которые, с нашей точки зрения, могут быть интересны и более широкому кругу НКО.

В послесловии **[4]** мы предлагаем **критическую ревизию** дизайна и результатов собственного исследования и задаемся вопросами о специфике распределения помощи в контексте характерного для России социального неравенства, привлекая для этого дополнительные этнографические материалы. Мы формулируем **ряд идей и вопросов**, которые с нашей точки зрения могут быть **полезны не только проектам помощи военнообязанным, но и любым другим правозащитным, помогающим и активистским инициативам**, работающим с российским контекстом и направленным на социальные изменения.

ЧАСТЬ 1.

Мотивации к отказу от службы

Как уже было сказано, наших информантов объединяет нежелание проходить срочную службу в российской армии. Но как именно потенциальные призывники объясняют это нежелание? Из какого набора (де)мотиваций, побуждений и причин у юношей призывного возраста складывается представление о том, что службы в армии лучше избежать?

Вопрос о мотивации к отказу от службы далеко не всегда служит для наших собеседников полем самостоятельной рефлексии. В существенной части интервью мотивация к уклонению не озвучивается или имеет неререфлексивную форму: «никогда не хотел служить» — говорят многие информанты, более детально формулируя свои мотивы лишь в процессе ответа на наводящие вопросы.

Проанализировав озвученные в интервью мотивации к отказу от службы, мы разделили их на две группы: **прагматические** и **идейные**. В «прагматическую» группу попадают мотивации, основанные на утилитарном подходе, частных интересах и личных рисках информантов. К «идейным» относятся этические и ценностные высказывания о перспективах службы в армии. В собранных нами интервью прагматические мотивации существенно преобладают над идейными. Последние, если и фигурируют в ответах, носят скорее сопутствующий характер. К этому наблюдению мы еще вернемся.

Сразу стоит сделать важные оговорки. Противопоставление «прагматический» vs. «идейный» мы используем в сугубо научно-нейтральном смысле. Другими словами, мы не считаем, что одни мотивации чем-то лучше других. По первым откликам на результаты исследования мы поняли, что есть риск их специфической интерпретации: доминирование прагматических мотиваций в рассуждениях наших собеседников может быть неверно истолковано как отсутствие у них ценностей или моральных принципов. Со своей стороны мы ни в коем случае не придерживаемся этой точки зрения. Во-первых, вопросы в интервью в основном каса-

лись личной истории информантов, а не их абстрактных взглядов на устройство общества и институт армии. Вероятно, это подталкивало информантов к рассуждениям о перспективах срочной службы в ракурсе их частной жизни. Во-вторых, социология говорит о том, что люди в целом, как правило, рациональны и прагматичны [1; 2] (к этому соображению мы еще вернемся в послесловии в разделе [4.2]). Доминирование прагматических мотиваций в интервью косвенно говорит о том, что информанты были с нами достаточно откровенны, не стремились специально представить себя в выгодном социально одобряемом «высокоморальном» свете. Наконец, любая классификация всегда до некоторой степени условна. Нам противопоставление «прагматических» и «идейных» мотиваций нужно прежде всего в качестве инструмента — чтобы проанализировать, сравнить, критически осмыслить и представить собранный материал. В действительности, идейные и прагматические логики могут сосуществовать в пределах одного высказывания, проявляясь сильнее или слабее в зависимости от контекста.

1° 1

Прагматические мотивации

В группе прагматических мотиваций мы выделили три основных сюжета:

- 1° армия как нарушение карьерных планов**
- 2° низкое качество срочной службы в России**
- 3° риск оказаться на войне (угроза жизни)**

1° 1° 1°

«Не хочу терять год жизни»: армия как нарушение карьерных планов

В подавляющем большинстве интервью собеседники, объясняя причины, по которым они предпочитают избегать службы в армии, делали упор на то, что она попросту не вписывается в намеченные ими жизненные траектории, встает поперек учебных, карьерных и профессиональных планов и предпочтений и является бесполезной *тратой времени*. Вот показательный пример из интервью с молодым человеком, который подчеркивает, что его нежелание служить сформировалось вне представлений о политике:

«Я, конечно, не хотел идти туда, но не потому что я что-то шарил в каких-то политических делах или что-то такое. А просто потому что не хотел тратить свое время. <...>

Потому что я разве кому-то должен стараться сделать что-то? В смысле я же не должен просто куда-то идти и тратить свою жизнь на что-то ненужное? Правильно? Должен же быть выбор и все остальное».

мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург

Мотив потери времени — ценного года жизни, который можно провести с пользой, занимаясь своим делом, характерен для большинства интервью. Подобную линию аргументации усиливает социально-возрастной фактор: период призывного возраста пересекается с жизненным этапом, который воспринимается большинством наших собеседников как ключевой для закладки «фундамента» на будущее; то есть как время возможностей, где личный выбор и принимаемые решения оказываются особенно важны для дальнейшей жизни: *«когда тебе нет 25, то, по факту, закладывается фундамент для всего будущего <...> я осознал, что в этом периоде ... есть очень много возможностей»*. В этом ключе служба в армии воспринимается как прямая угроза способности контролировать и программировать собственную жизнь: *«Если я попадаю в армию, то все эти возможности, они блокируются»* [мужчина, 21 год, Казань — Москва — Париж].

Что характерно, один из информантов отдельно подчеркивает, что его нежелание служить не связано с какой-либо идейной или политической составляющей:

Вопрос: «А нежелание проходить срочную службу у вас всегда было или в какой-то момент возникло? Или оно менялось?»

Ответ: «Нет, всегда было. <...> оно у меня не связано ни с каким политическим, идеологическим или жизненным [опытом], точнее оно

связано с жизнью, с простой экономической логикой, что я никакой пользы от этого не получу, от службы (на мой субъективный взгляд), я просто потеряю год своей жизни, причем год молодости, юности, где у меня идет наиболее активная фаза карьерного роста, освоения новых навыков, развития. Зачем мне это надо — мне непонятно. Я никогда не планировал идти ни в какие силовые, правоохранительные структуры, где это может пригодиться. Я хочу пойти в коммерческую сферу. Зачем мне в коммерческой сфере служба в армии? Не знаю».

мужчина, 25 лет, Москва

Служба в армии помещается в сугубо «карьерные» рамки и сценарии профессионального развития, в которые — в данном случае — она попросту не вписывается: «Зачем мне в коммерческой сфере служба в армии?»

1 «Полтора раза постреляли» или «армия армии рознь»: низкое качество срочной службы в России

Мотивации к отказу, связанные с нарушением профессиональных планов, дополняются представлениями о том, что служба в армии — в ее российском варианте — не имеет смысла из-за ее низкого качества. В рамках этих представлений в других странах (например, в Израиле) бывает «хорошая» армия, где военнослужащие «занимаются реальной работой», где солдат учат «чему-то полезному», «военному делу». В России же, как сказал один из информантов о побывавших в армии знакомых, они «ни хера не делали, пока слу-

жили, ну, собственно, прямо ничего. [Их] вызывали всякой фигней заниматься, просто потому что делать нечего» [мужчина, 23 года, Санкт-Петербург]. Противопоставление «хорошей» и «плохой» армии отлично иллюстрирует этот отрывок:

*«Потому что я вот так пообщался с людьми, кто там были. Особо они как-то не стреляли. Особо они как-то ничего, по-моему, такого не делали. То, что нужно в армии. Вот, например, у нас есть хороший, так скажем, опять же (простите за тавтологию) пример — это **Израиль**. В Израиле тоже обязательная срочная служба и для мужчин, и для женщин. Но при этом там реально учат военному делу. Там учат стрелять постоянно. Там есть выезды. А у нас что? Вот опять же мой знакомый. Они говорят: «Мы постреляли полтора раза за весь год». **Полтора раза постреляли! Ну это же просто смешно. Это смешно!**»*

мужчина, 22 года, Москва

Как мы видим, в этой логике, сама по себе служба в армии потенциально может быть привлекательной опцией: «если **что-то новое получать, так это всегда полезно**». Однако «если ты там будешь сидеть на заднице, то смысла это не имеет вообще никакого» [мужчина, 23 года, Санкт-Петербург].

Еще одна причина не проходить срочную службу актуализировалась для некоторых информантов в связи с вторжением России в Украину и мобилизацией. С точки зрения отдельных собеседников прохождение службы увеличивает риски быть мобилизованным и отправленным в зону боевых действий, а значит, несет прямую угрозу жизни.

*«До начала СВО я думал сходить в армию [...], но когда началась вся эта история, то меня знакомые отговорили, потому что сказали, что **там убеждают ребят идти на войну**. Так что я передумал туда идти и в ближайшее время не собираюсь туда отправляться из-за слухов о том, что там происходит. Ну, что могут вынудить, **могут заставить пойти на СВО, лишит жизни**».*

мужчина, 24 года, г. Санкт-Петербург

Связь между службой в армии и войной в Украине проходит прежде всего по линии оценки личных рисков для себя, а не по линии убеждений. Другими словами, ситуация войны усиливает мотивацию к отказу не столько в силу антивоенных взглядов (носителями которых являются многие наши информанты), сколько в силу желания сохранить собственную жизнь.

Неожиданным для нас стало то, что далеко не все информанты в принципе связывали срочную службу с вероятностью попадания на фронт (даже на уровне оценки личных рисков). Зачастую, рассуждая о негативных последствиях службы для себя, собеседники не затрагивали тему рисков мобилизации, пока мы их об этом прямо не спрашивали.

1° 2 Идеиные мотивации

Некоторые собеседники аргументируют свое нежелание проходить срочную службу, апеллируя не только к рациональному здравому смыслу (нарушение карьерных планов, низкое качество армии, непосредственные риски для жизни), но и к ценностям, морали и идеологическим убеждениям. В отношении этой группы мотиваций представляется важным выделить следующее:

- в целом, идеиные мотивации к отказу от срочной службы проявлены **слабее**, чем прагматические (реже встречаются в интервью); как правило, они привлекаются информантами в качестве **дополнения** к утилитарным, то есть **не обладают самостоятельной силой**; ценностные/идеиные мотивации к отказу от срочной службы в большинстве случаев **проявляются на уровне индивидуальных предпочтений и антипатий** информантов, но не переводятся в критику общественного и политического устройства;
- ценностные мотивации и идеологические установки выражаются в форме **вневременных категорий без привязки к актуальному политическому контексту** — войне с Украиной.

1° «Не подходит лично мне»: критика армии с индивидуальных позиций

Приведем развернутый пример из интервью с учителем английского языка из Вологды:

«Слушай, я еще когда учился в школе, у меня была четкая позиция — я не хочу служить в армии, я не считаю, что я должен отдавать какой-то долг Родине <...> Я никогда не хотел поддержать оружие в руках. В детстве меня никогда не интересовала военная тематика. Мне нравилось лего собирать. Я никогда не смотрел военные фильмы <...> меня это просто никак не интересовало. И я просто не находил в этом никакой нужды в своей вообще жизни. Я, наверное, считал себя ещё каким-то пацифистом за свою жизнь. Я дрался, <...> может быть, один-два раза по нужде. И у меня никогда не было желания быть связанным с, всё равно назовем это неким «насилием с людьми». И я это подтверждаю просто тем, что я работаю сейчас педагогом, и моя задача общаться языком всё-таки, в первую очередь, а не с силой, поэтому могу сказать то, что скорее всего это было нежелание, ну, невидение смысла отдавать долг Родине, и просто какие-то пацифистические свои взгляды».

мужчина, 26 лет, Вологда

На первый взгляд, собеседник объясняет свое нежелание служить через отсылку к общечеловеческим этическим принципам — неприятие насилия и пацифизм. Между тем, идейные и ценностные аргументы против армии помещаются им на индивидуальный, а не на политический уровень. Все высказывание информанта выстраивается по линии несоответствия собственных предпочтений службе в армии. Аргументы информант приводит в личном регистре («я не хотел», «я не видел смысла», «у меня нет долга», «не находил нужды в своей жизни» и др.), не распространяя их на общество в целом. Свою позицию относительно призывной армии информант представляет как часть личной биографии и идентичности,

сформированной с малых лет: военная тематика не интересовала его «с детства», дрался он только «по нужде» и всего пару раз, а сейчас работает педагогом, что в представлении собеседника свидетельствует о его мирной позиции. Будь его пацифизм возведен в строгий моральный принцип, можно было бы ожидать высказываний против армии в целом — например, «институт армии необходимо упразднить», «любое насилие — это плохо» и т. п. Однако из приведенных рассуждений не следует критики армии как объективного общественного зла, а следует лишь представление о том, что армия никогда не подходила лично информанту. Слабость идейных оснований проявляется также и в том, что они транслируются не в форме последовательной политической позиции, но проговариваются неуверенно («каким-то пацифистом», «какие-то взгляды»).

Одна из возможных интерпретаций подобного стиля рассуждений (помимо того, что вопросы в интервью касались личных случаев информантов и их взглядов на срочную службу) заключается в характерной для российского общества [деполитизации](#). Высказывать суждения в «общеполитическом» регистре попросту не входит в базовый речевой репертуар россиян. Это, разумеется, не означает, что россиянам в принципе не доступно политическое мышление. Скорее, в обществе, где люди, как правило, не верят в возможность повлиять на систему (а многие наши информанты, в силу возраста, росли в этом обществе с детства) разговоры о политике могут казаться пустыми, бессодержательными и даже не вполне уместными.

Аналогичным образом, рассуждая о перспективах службы, некоторые информанты акцентировали свое неприятие специфической, характерной для армии системы социальных и дисциплинарных норм (жесткая иерархия, дедовщина, маскулинность и др. признаки, приписываемые армейской структуре) именно с позиции личной антипатии, а не критики института срочной службы как такового:

«Во-первых, я ненавижу, когда мной командуют. Я ненавижу, когда мне приказывают, я ненавижу вот это гетеро... Ну, ладно, не гетеро, а патриархальный вот этот строй, я этого терпеть вот не могу прямо. Я не понимаю вот эту иерархию: деды и кто там еще есть? <...> То есть для меня это всё дикость. Вот серьезно говорю, российская армия — это для меня дикость».

При этом уже в следующем предложении собеседник переключается на прагматическую мотивацию «армия армии рознь», основанную на идее о низком качестве срочной службы в России (мы уже приводили высказывание этого информанта в разделе 1.1.2):

«У нас есть хороший <...> пример — это Израиль <...> там реально учат военному делу. Там учат стрелять постоянно. Там есть выезды. А у нас что? <...> «Мы постреляли полтора раза за весь год». Полтора раза постреляли! Ну это же просто смешно».

мужчина, 22 года, Москва

Как и в приведенном отрывке, в других интервью непрагматические мотивации к отказу от срочной службы почти никогда не фигурируют в качестве единственных и основных. Чаще всего они носят сопроводительный характер, дополняя или усиливая утилитарную аргументацию.

Возможная функция этих сопутствующих идейных категорий состоит в том, чтобы в разговоре с интервьюером придать своему частному нежеланию служить понятную социальную форму —

соотнести свой частный случай с одной из «общепринятых» моделей отношения к войне, армии и институтам, связанным с различными формами насилия. Так, учитель английского из Вологды в приведенной реплике как бы подбирает эту модель прямо в процессе разговора («*назовем это неким насилием с людьми*», «*наверное, считал себя ещё **каким-то** пацифистом*»).

1 **Значимое отсутствие: армия как «порочный» институт вне контекста войны с Украиной**

Заметное число наших собеседников по ходу интервью однозначно выражали антивоенную позицию. Можно было предположить, что эта позиция будет в существенной мере определять и их отношение к срочной службе. **Критические высказывания относительно войны с Украиной, однако, в абсолютном большинстве интервью фигурируют отдельно от критики института срочной службы** — что стало для нас одной из самых больших неожиданностей в исследовании. Даже в случае, когда информанты прямо заявляли о приверженности антимилиитаристским ценностям, эти высказывания, как правило, делались как бы **во «вневременном» регистре, тогда как отсылки к текущему политическому контексту отсутствовали.**

Так, к примеру, учитель английского, отрывок из разговора с которым мы приводили выше, до этого вполне однозначно высказывался против военных действий в Украине. Однако в приведенном фрагменте все апелляции к темам, имеющим прямое отношение к дискурсу вокруг войны («*долг Родине*», «*пацифизм*», «*насилие*»), оказываются риторически перенесены информантом в биографическое измерение, не привязанное к текущему политическому контексту («*еще в школе*», «*в детстве*», «*никогда не хотел*»), на который

в этом высказывании ничто не намекает. **Ровно такую же аргументацию нежелания проходить срочную службу можно представить себе и в мирное время.**

Приведем еще один пример — отрывок из разговора с менеджером по продажам, участником левого движения из Санкт-Петербурга:

«Вопрос призыва в обществе <...> — это вопрос фундаментальный. Когда у тебя часть населения стабильно уходит в структуру, где их превращают просто в зверье, то это максимально обществу вредит. «За» призыв говорит протяженность границы, что ее нужно обеспечивать — я знаком с аргументацией. Но в то же время сам призыв организован по схеме, что ты попадаешь в коррупционную схему, подчиненную министерству обороны, ты там сидишь, на тебя выделяются деньги как на солдата, ты приходишь служить в армии, тебе дают дырявые башмаки, списанную и порванную форму, одну на оба сезона, и ты не стираешь ее. Они экономят на патронах, дают тебе ржавое оружие, ты спишь в казарме, где крысы едят туалетную бумагу, у тебя одни трусы на весь момент призыва. То есть все деньги, на тебя выделенные, они украдены. Единственный смысл твоего пребывания в армии в том, чтобы другие люди, вот это военное словие, они просто деньги на тебе зарабатывают самым циничным образом <...>. Тебя ломают, пытаются сломить. <...> Людей пичкают историями про Родину <...> Типа

«вот, они там не просто так мучаются, они же молодцы типа». А это все просто бред, это чистая симуляция».

мужчина, 23 года, Санкт-Петербург

В другом отрывке интервью информант прямо говорит про войну, что он *«был очень против сразу, сходу, был в шоке дичайшем»*, потому что *«никогда не относился к Украине негативно»*, называет войну *«безумной»* и осуждает любые военные действия *как таковые*. Однако его подробная и эмоциональная критика института срочной службы остается *«вневременной»* и не содержит отсылки к войне с Украиной. Перечисленные *«пороки»* армии — от слабой материальной инфраструктуры и оснащения до коррумпированности и пропаганды — это универсальные системные проблемы, существовавшие задолго до начала военных действий.

Итак, несмотря на то, что сам антивоенный нарратив встречается в интервью, его элементы — например, расхожий текст о том, что это *«преступная война»* — не задействуются в аргументации нежелания служить.

Экономика усилий: срочная служба как «меньшее из зол»

Прагматические мотивации к отказу от службы доминируют над идейными, поэтому отношение к армии — это не производная от идеологической позиции, а скорее результат рационального расчета. Наши информанты взвешивают и сравнивают различные альтернативы и жизненные сценарии: пойти учиться, «бегать», собирать справки и др. Перспектива пойти отслужить оценивается информантами с точки зрения затрачиваемых усилий, потенциальных лишений, рисков и издержек, связанных с избеганием армии. Поскольку баланс издержек меняется в течение жизни, позиция относительно службы также оказывается потенциально неустойчивой.

«Честно я вам скажу, я не хочу в армию. Вот я думаю, блин, да годик этот. Я не знаю уже. Может, я даже на годик соглашусь.»

Вопрос: «А насколько вас пугает возможность, что если вы пойдете служить по призыву, то вас могут отправить в зону военных действий сейчас, которые происходят с Украиной?»

Ответ: «Да, сильно, скажу я вам честно, из-за этого переживаю. <...> Но слушайте, просто я... мне эта беготня надоела. Ну, не беготня конечно, я рад, что у меня есть теперь высшее образование, хоть и со степенью бакалавра. Но я просто такой человек, я люблю побыстрее отмучиться, вот побыстрее, всё, отмучиться и жить спокойно».

мужчина, 22 года, Москва

Как следует из цитаты, этот информант допускает для себя сценарий срочной службы, чтобы сэкономить усилия, неизбежно затрачиваемые на ее длительное избегание («*побыстрее отмучиться и жить спокойно*»).

Поскольку о службе в армии принято рассуждать с точки зрения подсчета издержек и потерь, закономерно, что некоторые из нежелающих служить информантов даже пытаются найти в армии возможные выгоды — в противовес издержкам:

«Вообще в целом я даже искал плюсы в возможности послужить. Их, конечно, очень мало. Не знаю, могу ли я говорить о каком-то повышении дисциплины или самодисциплины... Возможно, это имеет место быть, но скорее негатива в этом аспекте больше, чем позитива. Как минимум физически я бы стал, наверное, более подтянутый и спортивный. Все-таки там надо бегать, кровати на скорость заправлять. Так что определенные плюсы есть. Ну и в целом — когда сидишь 24x7 за компьютером, потребляешь информацию из интернета, то возможность отвлечься и ничего не потреблять звучит не так уж и безумно. Хотя мне бы хватило месяца...»

мужчина, 20 лет, Санкт — Петербург-Ереван

1° 4

Мотивации к отказу от службы: основные выводы

Итак, несмотря на то, что вопрос о мотивациях к отказу от службы далеко не всегда является для наших собеседников предметом постоянной рефлексии, анализ интервью дает основания утверждать следующее:

- **на передний план выходят прагматические и личные мотивации;** служба в армии воспринимается информантами в свете нарушения индивидуальных интересов, т.е. в категориях частной жизни и карьеры, а не обобщенных ценностных позиций;
- даже когда **мотивации** к отказу от службы дополняются идейными соображениями, последние не возводятся в разряд принципа и **не распространяются за пределы индивидуальной жизни информанта;**
- многие потенциальные **призывники не рассматривают армию как прямую дорогу на фронт;** в случае, когда связь между срочной службой и вероятностью попасть на войну прямо прорабатывается информантами, мотивацией к уклонению становится в первую очередь страх за собственную жизнь, а не идеологические взгляды;
- **служба в армии ≠ служба в воюющей армии:** большинство информантов с антивоенной позицией, говоря о своем нежелании служить, не используют аргументы антивоенного нарратива, описывающие войну в Украине как преступную и неправомерную; **срочная служба** в армии воспринимается как **отдельная повинность и самостоятельный социальный институт, лишь опосредованно связанный с армией РФ,** ведущей военные действия в Украине.

ЧАСТЬ 2.

Стратегии избегания срочной службы

О каких конкретных способах избегания срочной службы знают наши информанты? Какова иерархия стратегий избегания службы по степени доступности, эффективности и количеству сопутствующих рисков? Почему одни стратегии кажутся более привлекательными и реалистичными, чем другие? Что потенциальные призывники думают об альтернативной гражданской службе (АГС), и какое место в стратегиях избегания призывной армии занимают правозащитные организации?

Как правило, юноши начинают задумываться о том, как именно избежать службы в армии, еще в школе, до наступления призывного возраста (с 2024 г. — от 18 до 30 лет). В дальнейшем, в период до получения военного билета или до выхода из призывного возраста, проблема призыва осознается как более или менее острая в зависимости от различных обстоятельств — например, близость окончания учебы в школе или в вузе, частоты поступающих от военкомата сигналов или объявления мобилизации. Вот **список возможных стратегий избегания службы**, о которых информанты **говорили сами** (без наводящих вопросов интервьюера). Мы расположили стратегии сверху вниз по степени популярности — от наиболее предпочтительных и надежных с точки зрения информантов (при этом далеко не всегда доступных на практике) к тем, которые считаются наименее надежными и привлекательными:

- избежать службы **по здоровью** (собрать справки, получить военный билет с **категорией «В» или «Д»**);
- построить **учебную и карьерную траекторию так, чтобы избежать службы** (отсрочка по учебе/работе, военная кафедра в университете — популярная, но, как правило, временная стратегия);
- обратиться в **платную организацию** и/или нанять адвоката (чтобы получить военный билет с категорией «В» или «Д»);

- **сделаться «невидимым»** (игнорировать поступающие от военкомата сигналы, не напоминать о себе, не прикрепляться к новому военкомату при переезде и др.) и дождаться непризывного возраста;
- **«кошмарить военкомат»** (писать жалобы и заявки в суд, собирать справки, активно симулировать);
- **уехать за границу** («новая» стратегия, ставшая актуальной после 24.02.2022, которая рассматривается в качестве крайнего варианта).

Вариант **дачи взятки/покупки военного билета** рассматривается многими информантами как привлекательный, но недоступный либо по финансовым причинам, либо вследствие ужесточения контроля за военкоматами со стороны надзорных органов после начала войны (косвенные свидетельства чему можно [найти](#) в медиа; см. также множество новостей об осужденных в последние два года сотрудиниках военкомата, например, по поисковому запросу «военкомат взятка»).

Вариант со взяткой/покупкой военника не всегда осознается как безопасный или гарантированный, особенно в нынешних условиях. Так, один из информантов, объясняя, почему покупка военника не кажется ему надежной стратегией, привел пример: *«У нас в Татарстане были ребята, которые купили билеты, и через некоторое время они попали под мобилизацию <...> Они не служили, они не держали в руках оружие, но их отправили на войну <...> И меня тоже потенциально могли бы отправить»* [мужчина, 21 год, Москва/Татарстан]. Аналогичным образом, другой собеседник подчеркнул риски, связанные с отсутствием гарантий при даче взятки: *«Это все как крайнее средство. Лучше по закону, через [название платной организации], чтобы в дальнейшем не подкопались, если что-то переиграется. Потому что любая история со взятками — это обоюдоострый клинок, там гарантии ни тебе, ни исполнителю»* [мужчина, 25 лет, Москва].

При этом **альтернативная гражданская служба и обращение за бесплатной помощью в правозащитные организации** не упоминаются информантами самостоятельно — нам приходилось называть эти стратегии и специально спрашивать наших собеседников об отношении к ним. Ни одна из этих стратегий не кажется информантам привлекательной. Вместе с тем большинство из них знают, что такое АГС и имеют о ней мнение, тогда как бесплатные правозащитные организации вообще исключены из размышлений о вариантах избегания службы.

Перечень рассматриваемых информантами стратегий избегания срочной службы сформирован в довоенные годы. Новые угрозы — **электронные повестки** и повышенные **риски мобилизации** — известны большинству информантов, однако они пока не сформировали новых стратегий избегания, кроме одной — отъезда из страны. С 24.02.22 отъезд из России за счет большого числа прецедентов успел нормализоваться как практика (почти у каждого из информантов есть друзья или знакомые, которые уехали). При этом конкретных планов на случай получения электронной повестки у информантов, как правило, нет, а отъезд остается скорее крайним шагом: *«Если будут какие-то очень серьезные уже для моей жизни опасности, естественно, я буду с этим что-то делать, но я не думаю, что я буду давать взятку. Я думаю, что я просто съебусь»* [мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург].

Ниже мы обсудим перечисленные стратегии подробнее и постараемся объяснить, почему потенциальным призывникам одни способы избежать призывную армию кажутся привлекательными, в то время как другие они даже не рассматривают.

В течение периода призывного возраста юноши перебирают различные способы избежать срочной службы. В зависимости от обстоятельств один из них осознается ими как наиболее доступный, комфортный и эффективный. На основании всего массива интервью можно выстроить общую, релевантную для большинства информантов иерархию стратегий по параметру их привлекательности в ситуации «при прочих равных» (то есть если бы все стратегии были примерно одинаково доступны)⁴. Но как объяснить эту иерархию?

С нашей точки зрения, ключевые параметры, позволяющие классифицировать и ранжировать стратегии по степени их востребованности — это характер коммуникации с государством и необходимость включения во взаимодействие с ним, а также безопасность и количество затрачиваемых призывником усилий. По умолчанию, наши информанты хотят иметь как можно меньше столкновений с государственными институтами, поскольку не доверяют им; перспектива прямой конфронтации с государством кажется тем более рискованной. Призывники хотят, насколько это возможно, обезопасить себя от любых притязаний со стороны государства и при этом затратить минимум усилий.

Соответственно, идеальной является ситуация, в которой потенциальный призывник:

4 См. список в начале предыдущего раздела и таблицу ниже.

- получает легальный «иммунитет» от государства в виде военного билета с непризывной категорией (то есть такой, что к человеку нельзя придраться)
- не взаимодействует с государственными органами и тем более не встает в позицию конфронтации с ними
- затрачивает минимум ресурсов и усилий, не жертвуя личными интересами и привычным образом жизни

На основании представлений наших информантов мы разбили стратегии на три группы по параметру позиции, занимаемой призывником в коммуникации с государством. В данной логике АГС и правозащита попадают в группу «Борец». Однако, на практике никто из наших информантов к этим стратегиям не прибегал и не планирует.

<p>«Неприкасаемый»</p> <p>Сигнал государству: «не могу служить по легальным основаниям»</p>	<ul style="list-style-type: none"> ■ получить военный билет (с категорией «В», «Д») и решить проблему навсегда (справки по здоровью, платные организации или безопасный откуп) ■ постоянная или временная отсрочка по учебе или работе
<p>«Невидимка»</p> <p>нет сигнала</p>	<ul style="list-style-type: none"> ■ бездействовать и не подавать сигналов ■ прятаться (жить не по прописке или без нее) и дожидаться непризывного возраста ■ в крайнем случае: уехать за границу
<p>«Борец»</p> <p>Сигнал государству: «буду отстаивать свое право не служить»</p>	<ul style="list-style-type: none"> ■ «кошмарить военкомат» – активно противостоять системе в поле закона (писать жалобы, подавать иски, активно симулировать расстройство) <p>■ АГС ■ правозащита</p>

Идеальный вариант с точки зрения большинства информантов состоит в том, чтобы, с одной стороны, избежать службы, с другой стороны, **обрести легальное «алиби» — гарантию неприкосновенности со стороны государственной системы, не входя с ней в конфронтацию.** Наиболее предпочтительным в этом смысле **кажется получение военного билета с категорией «В» или «Д».** С одной стороны, билет служит гарантией, что его обладателя больше не призовут в армию, с другой стороны, его наличие избавляет от всевозможных препятствий при официальном трудоустройстве и выезде за границу. Как сказал один из наших информантов, *«все равно военник парню нужен для того, чтобы жить полной жизнью»* [мужчина, 24 года, г. Санкт-Петербург].

Как правило, **способ обретения военника второстепенен:** это могут быть как легальные варианты — например, собрать медицинские справки на основании настоящих показаний, обратиться к платному адвокату за помощью в юридическом сопровождении при взаимодействии с военкоматом — так и более «серые» схемы (обратиться за платной помощью в организацию, которая поможет «найти» у себя заболевание, гарантирующее негодность к службе, «купить» медицинскую справку или военник). Здесь на передний план выходит не средство, а результат: **военник** делает его обладателя **неприкасаемым для системы и чистым перед законом.** Так, к примеру, один из наших собеседников подчеркивает, что не против был бы воспользоваться неформальными связями, «договориться» и купить военный билет даже в обход закона, если бы знал, где найти нужные контакты.

«Если можно было бы что-то купить и забыть об этом, то я бы так и сделал. Не знаю, к сожалению или счастью, но я не нашел ни одного контакта, чтобы можно было, скажем так,

«договориться» с военкомом. Я, конечно, это все осуждаю, что там надо осуждать и все такое. Но если бы я мог ценой 200-300 тысяч рублей просто забыть об этом как о страшном сне... Это, по сути, не год жизни, а всего лишь три зарплаты месячные. Ну поживу я не на 13 (у нас есть 13-я зарплата), а на 10 зарплат в год. Я думаю, я справлюсь. Зато я смогу все это время заниматься своими делами».

[мужчина, 23 года, Санкт-Петербург — Ереван]

В приведенной реплике собеседник воспроизводит уже знакомую нам прагматическую логику, рассуждая о потенциальных перспективах избегания службы в экономических категориях: предполагаемая цена военника конвертируется в месяцы работы и ложится на одни весы с «потерянным годом». Выбор предпочтительного варианта очевиден с точки зрения экономии усилий и ресурсов. При этом вариант с неформальным откупом от государства — покупкой справки или взяткой в обмен на военный билет — остаётся для большинства информантов скорее гипотетическим. Как мы уже отмечали выше, особенно в последнее время он перестал казаться надежным: *«Из нелегального сейчас почти ничего не осталось. Единственное нелегальное — это попытаться где-то купить какую-то справку. Но, мне кажется, это маловероятно»* [мужчина, 24 года, Санкт-Петербург].

Еще один вариант стать неприкасаемым для государства, сохранив легальный статус, получить отсрочку по работе или учебе. Для некоторых людей — это приемлемая долгосрочная стратегия. Так, молодой человек из Владивостока, отвечая на вопрос о своих планах, рассказал о намерении поступить в аспирантуру и получить научную степень: *«Ну, план очень простой. Если идти дальше в аспирантуру, то у вас точно также отсрочка от армии идёт. И если вы получаете степень кандидата наук, то по закону вас в армию не берут. То есть у вас пожизненная отсрочка, если вы кандидат наук. То есть план такой — пойти в аспирантуру и заниматься наукой в свое удовольствие»* [мужчина, 23 года, Владивосток].

Однако, жизненные планы большинства наших информантов не связаны с академической карьерой. Для тех, кто не готов «заниматься наукой в свое удовольствие», поступление в университет — в том числе на платные программы и не по своим интересам — может стать временной стратегией для получения легальной отсрочки.

*«Планы на будущее, наверно, это первое — **подстраховаться**, в августе сдать экзамены на поступление в аспирантуру и ближайшие планы — **как-то пережить осенний призыв** <...> Соответственно, в этом году среди моих знакомых очень много парней, которые делают то же самое, причем **подавая заявление в места, в которые они вряд ли бы пошли**. Многие собираются (я сам рассматривал такой вариант) — **уходить на платное обучение хотя бы в течение одного семестра, чтобы до нового года никто не трогал**, а проблемы с весенним призывом решать по ходу поступления».*

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

В подобных случаях поступление в университет встраивается в прагматическую логику и ложится на весы с другими вариантами. Например, этот же собеседник сравнивал вариант с поступлением в аспирантуру с двумя другими «разной степени паршивости», которые он тоже всерьез рассматривает: добиться отсрочки на работе или сознательно нанести себе серьезное физическое увечье.

Так или иначе, цель у всех этих вариантов одна и та же — получить «иммунитет» от государства, стать для него легально неприкасаемым.

В ходе исследования, ориентируясь на запрос обратившихся к нам сотрудников сервиса помощи, мы специально спрашивали участников интервью о том, где и как они получают сведения о возможных способах избежать срочной службы. Показательно, что самым популярным источником является сарафанное радио (друзья, родственники и знакомые), то **есть информация, которая попадает к тебе сама и не требует активного поиска**. Если же наши собеседники ищут информацию самостоятельно, как правило, они делают это **ситуативно, под конкретные практические запросы и задачи** (например, вбивая в поисковик фразы типа «перечень болезней», «как откосить», «специальности, которые дают отсрочку»). Другими словами, большинство информантов не стремятся к систематическому освоению контекста, самообразованию и повышению базовой грамотности в области гражданских прав и соответствующего законодательства.

С нашей точки зрения, дело вовсе не в том, что эти люди пассивны или по каким-то причинам не способны освоить доступный массив сведений (мы точно знаем, что это не так, уже хотя бы потому, что наши информанты получают или получили высшее образование, многие из них закончили магистратуру, собираются поступать в аспирантуру и т. д.). Просто **специфика поиска и потребления информации соответствует самой привлекательной стратегии избегания армии и общей прагматической логике** — то есть стремлению получить легальную неприкосновенность от государства, затратив минимум усилий и сведя к минимуму взаимодействие с государственными институтами. В свете данной логики вполне закономерно, что потенциальные призывники **не спешат активно повышать свою юридическую грамотность** — зачем тратить на это время, если само столкновение с государством кажется чем-то ненадежным, рискованным и нежелательным?

Стратегия обретения неприкосновенности от государства бывает по тем или иным причинам недоступна: у потенциального призывника может не быть необходимых медицинских диагнозов; услуги платных организаций по получению отсрочки могут быть недоступны в силу экономических причин или не вызвать доверия; нелегальные пути — покупка справки или взятка — во-первых, могут быть еще дороже, а во-вторых, как мы уже писали, в настоящее время они кажутся большинству информантов ненадежными и рискованными. Наконец — и это типичный случай — временная легальная отсрочка может перестать действовать в связи с прекращением учебы, а поступать в очередной вуз, идти в магистратуру/аспирантуру только ради того, чтобы избежать призыва, может казаться потенциальному призывнику выбором, несущим в себе слишком много издержек. Вариант же с отсрочкой по специальности доступен лишь ограниченному количеству людей, и он также остается временным.

В подобном положении значительное число людей выбирают альтернативную стратегию — исчезнуть из поля зрения государства, стать невидимкой и прекратить коммуникацию с госорганами. Так, к примеру, информант из Казани, который уже давно живет в Петербурге, обдумывал вариант зачислиться в запас по достижении 27 лет (на момент интервью ему было 26). Однако, когда молодой человек услышал новости о продлении призывного возраста («я думал раньше, что в 27 закончится все это веселье, но сериал... внезапно дали финансирование дополнительно на ещё один сезон»), он решил, что надежнее будет остаться для государства невидимкой.

«Думаю, вот стоит ли мне спешить с этим? Я думаю, что не стоит. <...> Я жил по временной

прописке в общежитии. И я еще пока не совсем представляю, где моё дело. Оно ушло обратно — там, где моя, типа, постоянная прописка, или они работают как бы уведомительно, я должен был приехать в Казань и сказать «вот всё, я вернулся». <...> И у меня есть прописка постоянная в Петербурге. И они её не знают, потому что я не ходил к ним после 20 лет. То есть, я прикрепился и больше к ним не ходил. Поэтому у меня ещё дополнительное опасение, что, если я приду сниматься с учёта, точнее, вставать в запас, они узнают все мои новые данные, и как будто поэтому это осложнит жизнь потом. И вот это по сути как бы риск, но я пока выбираю такой путь — без прикосновений».

мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург

Как и во многих других случаях, упомянутых нашими информантами, неразбериха внутри самой государственной системы воспринимается как ценный ресурс (условно говоря, если о тебе забыли, не знают адреса проживания, потеряли дело и т. п., этим можно пользоваться).

Стратегия ухода из поля зрения государства предполагает более или менее активную позицию. Так, полное бездействие само по себе может быть сознательной стратегией: потенциальный призывник не отвечает на сигналы, поступающие от военкомата (если они есть), и не подает их сам, но в то же время не предпринимает никаких дополнительных действий, чтобы скрываться. Более активная стратегия предполагает бюрократическое запутывание следов с целью затеряться и «пропасть с радаров»: не жить по прописке, иногда, как в случае с одним из наших информантов, жить вообще без прописки, не оформлять приписное свидетельство и, конечно же, не напоминать о себе военкомату.

Зачастую родственники в подобных ситуациях выступают союзниками. Так, к примеру, одному из наших собеседников, который живет в Петербурге, регулярно приходят повестки из военкомата на адрес прописки в другом городе. Проживающая по адресу мама информанта игнорирует повестки, а когда приходят люди из военкомата, не впускает их: *«отключает домофон, если что-то непонятное приходит, то она им дверь не открывает»* [мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург]. Предельным вариантом стратегии «невидимки» является отъезд из страны, однако эта опция доступна далеко не всем, а многие информанты попросту не готовы переезжать за границу без крайней необходимости.

2° **«Борец»**

Третья группа стратегий предполагает отстаивание права не служить. С точки зрения информантов, это означает **бросить открытый вызов военкомату и вступить на путь конфронтации с государством**. По нашим наблюдениям, это наименее популярный и наиболее проблемный вариант (исключение из общего правила), поскольку он несет в себе разнообразные риски и требует от потенциального призывника проактивной позиции. Тем не менее, среди наших информантов было несколько человек, которые выбрали путь самостоятельной борьбы в легальном поле за право не служить.

Показательно, что попытка реализации в юридической плоскости своего права не служить воспринимается нашими собеседниками не как рядовое гражданское действие, а как выход на тропу войны с системой (так она описывается и самими «борцами», и другими, куда менее решительными информантами). Эта проактивная позиция подразумевает, что человек готов действовать агрессивно и стремится к тому, чтобы переиграть военкомат в правовом поле, обрушив на него его же бюрократическую логику и приемы (искать нарушения, несостыковки в действиях сотрудников, писать жалобы, судиться и т.д.). Приведем несколько примеров.

*«Короче, вот, после этого я начал ходить в военкомат. **В военкомат я ходил совершенно исправно, по собственной воле. Я там всех, что называется, кошмарил и пугал**».*

мужчина, 20 лет, Санкт-Петербург

Как видно из этой и следующей цитаты, информанты, вступившие в борьбу с государством, описывают свое взаимодействие с военкоматом как акт агрессии (*кошмарить, пугать, запугивать*).

*«На самом деле, меня должны были призвать еще год назад. **У меня была стратегия — я запугивал военкомат**, я постоянно писал жалобы по любому поводу, всячески пытался отсрочить момент медосмотра и так далее. **Моя ключевая стратегия была в том, чтобы достать их настолько, чтобы им было неприятно даже думать обо мне, и чтобы они сами от меня отстали.** Вначале у меня не получилось, когда я был в Татарстане. Но из того, что там было, **я получил много опыта.** Я написал, очевидно, в Татарстане заявление, что я уезжаю, меня перевели в другой военкомат. И уже в Москве, воспользовавшись предыдущим опытом взаимодействия с военкоматом из Татарстана, я смог сделать так, что ребята просто забыли про меня, потому что **я поставил их в очень неловкое положение, когда они должны были нести большую ответственность, когда начали снова меня дергать.** <...> [название одного из правозащитных проектов помощи] — **я нашел там очень много информации** примерно полтора-два года назад, когда я*

стал думать о том, что я должен быть призван. Я нашел очень много информации о взаимодействии с госорганами и стал практиковать. Я самостоятельно составлял иск, подавал его в суд, и я выиграл это дело против военного комиссара».

мужчина, 21 год, Казань — Москва — Париж

Как уже было сказано, большинство наших собеседников ищут и потребляют информацию ситуативно и непоследовательно, в результате чего сведения о правовых аспектах, юридических лазейках и вариантах квалифицированной помощи если и проникают в их информационный фон, то скорее случайно и фрагментарно. «Борцы» и в этом аспекте представляют собой исключение из правила. Их стратегия отстаивания права не служить обязательно подразумевает именно **самостоятельное освоение экспертного знания** (мануалов от правозащитных организаций, законов, перечня заболеваний, бюрократического языка, понимания системы ведомств и их взаимоотношений и т. д.). Кроме того, стратегия открытой борьбы за право не служить требует от людей **определенных личных качеств** — упертости, психологической устойчивости, энтузиазма, заинтересованности в процессе или даже определенной доли **игрового азарта**.

«Вообще вся история с армией и военкоматами — это сложная бюрократическая история, где требуется образование, чтобы в этом разобраться, тебе требуется какая-то осведомленность, включенность в контекст. Средний человек, особенно призывник, он не может с этим разобраться практически самостоятельно. Нужно иметь еще очень сильный стержень, характер, чтобы бороться с военкоматом, потому что военкомат строит отношение с призывником на уровне подавления».

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

Автор следующего высказывания, успешно запугивавший военкомат, а потом эмигрировавший во Францию, признается, что борьба с системой в юридической плоскости доставляла ему «удовольствие» и даже принесла «новый невероятный опыт».

Вопрос: «*«Почему, как вам кажется, вы заранее стали использовать эти методы, а ваши знакомые этим не пользовались?»*

Ответ: «*На самом деле, у меня был некий интерес. Даже сам процесс, когда я писал жалобы, когда я подавал судебные иски — мне все это безумно нравилось».*

мужчина, 21 год, Казань - Москва - Париж

Личные качества и подходы к поиску информации, характерные для «борцов» за право не служить — редкость среди самих призывников. Между тем, судя по нашим дополнительным интервью с правозащитниками и родственницами призывников, эти личные качества и техники работы с информацией вовсе не являются редкостью среди активных матерей, заинтересованных в освобождении сыновей от службы. Наоборот, **матери, в отличие от своих сыновей, склонны к заблаговременному, комплексному, последовательному и систематическому сбору информации.** Они подписываются и следят за обновлениями тематических каналов, изучают образцы заявлений и исследуют правовые аспекты призыва в армию.

Вот показательная реплика одной из наших собеседниц, женщины из подмосковного города Королева.

«Первоначально информацию, если что-то меняется в законодательстве, я ищу в телеграм-каналах, там это все высвечивается, это

все начинает обсуждаться. Я подписана на довольно много оппозиционных телеграм-каналов. <...> И есть организации [перечисляет платные и бесплатные организации, которые содействуют в избежании призывной армии] — я тоже на них подписана на всех. Еще у меня бухгалтерский подход, я начинаю изучать документацию, то есть то, что написано в официальных документах, плюс какие-то разъяснения юристов. <...> Что касается IT-шной отсрочки — это я приказы Минцифры смотрела, это первоисточник. Я изучала расписание болезней на сайте [название платной организации]. Сейчас говорят, что они меняют перечень заболеваний, соответственно, буду эту тему изучать».

женщина, 50 лет, Королев

Поскольку матерям потенциальных призывников не грозит призыв, их собственные риски минимальны. Это обстоятельство, в частности, **позволяет им занимать более активную позицию, не избегая взаимодействия или конфронтации с государством.**

Наше исследование качественное, а не количественное, однако мы предполагаем, что путь самостоятельной борьбы с государством за отстаивание своего законного права не служить — это исключение не только среди наших информантов, но и среди россиян в целом.

Среди наших собеседников были и «неприкасаемые», и «невидимки», и редкие «борцы». Но **почему никто из них не рассматривает альтернативную гражданскую службу и обращение за бесплатной помощью к правозащитникам в качестве возможных стратегий?**

Почему, например, покупка военника или медицинской справки, а также симуляция болезни, предполагающие нарушение закона, воспринимаются как более привлекательные, эффективные и, главное, безопасные пути решения вопроса призыва? Напомним, один из собеседников всерьез говорил о варианте «целенаправленного членовредительства» в случае получения повестки (*«мы обсуждали с некоторыми ребятами <...> многие говорили о том, что, возможно, придется расстаться с парой пальцев на руках <...> пальцы это, конечно, вещь нужная, но лучше без них, но в остальном — в целостности и сохранности»* [мужчина, 24 года, Санкт-Петербург]). И все это в условиях бесплатного доступа к правозащитной помощи и существования базового конституционного права не проходить службу в призывной армии (АГС).

Разобраться в представлениях наших информантов о правозащите для нас особенно важно еще и потому, что у обратившихся к нам сотрудников проекта помощи потенциальным призывникам был отдельный профессиональный и практический интерес: им важно было понять, что их потенциальная аудитория (уже) знает и думает о правозащитной помощи.

Что касается АГС — эту тему тоже следует рассмотреть отдельно, поскольку, по словам правозащитников, на сегодняшний день одним из распространенных способов избежать призыва, не нарушая закон, является вовремя поданная заявка на замену срочной службы АГС; а затем, в ответ на полученный отказ (в этих заявках часто [отказывают](#)) — серия апелляций и бюрократических процедур, позволяющих затянуть юридический процесс и таким образом на легальных основаниях «переждать» сезонный призыв. Именно такой способ часто предлагают правозащитники. Понять, по каким причинам сами потенциальные призывники не рассматривают подачу на АГС как привлекательную стратегию, кажется практически важным.

На наш взгляд, руководящими принципами в (не)выборе стратегий остаются минимизация взаимодействия с государством и общая

прагматическая логика (экономика ресурсов и усилий). Ниже мы посмотрим на то, как именно потенциальные призывники рассуждают об АГС и правозащите.

2° Почему АГС — не альтернатива?

Институт Альтернативной гражданской службы существует в России с 2004 года (со вступления в силу 113-ФЗ)⁵, хотя право на замену воинской службы на альтернативную в случае, если ее несение противоречит «убеждениям или вероисповеданию» потенциального призывника, было закреплено в Конституции еще в 1993 году. Причем «убеждения, противоречащие несению военной службы», включают в себя не только религиозные, но и светские и установки могут трактоваться предельно широко. Вопрос о замене решается во время заседания призывной комиссии, которая создается на основании соответствующего заявления гражданина, подлежащего призыву, рассматривает его «доводы» и принимает решение об их весомости и соответствии действительности.

АГС, согласно определению, не является отказом сотрудничать с государством и трудиться на благо общества. Ровно наоборот, аль-

5 Согласно статье 1 этого Федерального закона «Альтернативная гражданская служба — особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву». Согласно статье 2 «Гражданин имеет право на замену военной службы по призыву альтернативной гражданской службой в случаях, если: 1) несение военной службы противоречит его убеждениям или вероисповеданию; 2) он относится к коренному малочисленному народу Российской Федерации, ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционную хозяйственную деятельность и занимается традиционными промыслами коренных малочисленных народов Российской Федерации».

тернативная гражданская служба предполагает готовность заявителя «осуществлять деятельность в интересах общества и государства», но в сферах, не связанных с воинскими структурами. Перечень возможных сфер занятости определен Министерством труда и включает в себя более 140 видов деятельности на базе более 800 организаций.

Сама правоприменительная практика, связанная с АГС, достойна отдельного исследования. Для наших целей достаточно будет отметить, что, по мнению знакомых правозащитников и журналистов независимых медиа, которые освещали эту тему, военкоматы часто отказывают заявителям в альтернативной службе, особенно после начала полномасштабного вторжения России в Украину (1; 2; 3; 4). В отдельных регионах, по словам наших собеседников из правозащитной среды, существует негласный запрет на одобрение соответствующих заявок военкоматами — цель такого запрета состоит в том, чтобы «не создавать прецедент», который неизбежно привел бы к последующему увеличению числа желающих воспользоваться правом на альтернативную службу. Закон допускает вполне вольное понимание несовместимых с воинской повинностью «убеждений», что на практике дает членам призывных комиссий возможность отклонять их в качестве незначимых, недостаточно весомых, «несерьезных» оснований для освобождения от военной службы.

Именно по этой причине заявка на АГС (с подачи правозащитников), если и используется потенциальными призывниками, то в основном не столько для реализации самого права не служить в армии на основании мировоззренческих соображений, сколько в качестве бюрократического инструмента, позволяющего «переждать» призыв.

Итак, что информанты думают об альтернативной гражданской службе, и почему ни один из них всерьез не рассматривает этот вариант в качестве способа избежать службы в армии?

Во-первых, АГС воспринимается как **вызов военкомату**: человек, подающий заявку на альтернативную службу, с т. з. наших собеседников, выходит из поля невидимости и вступает в противостояние с государством в качестве сознательного отказника. Формально юноши имеют право отказаться от армейской службы «по убеждениям» (то есть на бумаге это примерно то же самое, что по болезни — может быть, ты и не против послужить в армии, но никак не можешь — убеждения не позволяют). Однако, в представлении призывников, подавая заявку на АГС, они посылают военкомату другой сигнал — не «я не могу», а «я не хочу» служить — тем самым по умолчанию настраивая военкомат против себя. По словам наших информантов из числа правозащитников, подобное представление вовсе не беспочвенно — именно так чаще всего воспринимают заявку на АГС сами сотрудники военкомата, для которых законные претензии на замену службы АГС считаются как простые попытки «откосить». Это обстоятельство усугубляется низкими шансами на удовлетворение заявки на АГС (информанты говорили о большом проценте отказов, необходимости оспаривать решение в суде и т.д.).

*«Да, я знаю о том, что можно подать заявление, указать, почему я хочу ее проходить. Я читал о том, что в основном этому стараются **препятствовать**, [военкоматы] очень сильно не любят тех, кто собирается заниматься **альтернативной гражданской службой**».*

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

Таким образом, оформляя заявку на АГС, призывник создает риски не просто попасть в армию, но и нажить врага, а значит, с большой вероятностью сделать службу еще тяжелее.

Во-вторых, в свете установки абсолютного большинства информантов на прагматическую логику, их приверженности ценностям контроля над собственной жизнью и самостоятельного выбора карьерной траектории — АГС наделяется теми же минусами, что и срочная служба и даже проигрывает ей: эта **такая же пустая трата драгоценного времени и осязаемый социальный дауншифтинг — только еще дольше, чем армия**. С точки зрения информантов, АГС делает человека финансово уязвимым и вынуждает работать в маргинальных сферах (напр., санитаром, уборщиком, почтальоном), занимаясь не своим делом.

Так, собеседник из Петербурга сравнивает АГС с принудительными работами, акцентируя низкую оплату и тяжелые условия:

«...с ужасной мизерной зарплатой. <...> если тебе платят 15-20 на работе, то попробуй выжить, вперед и с песней, поживи два года на подножном корме, никого это особо не волнует. Это все равно, что тебя осудили на общественные работы».

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

Стоит оговориться, что с точки зрения наших собеседников из правозащитной сферы ассоциация АГС исключительно с низкоквалифицированным трудом не вполне оправдана, поскольку в реальности спектр доступных (по закону) альтернативных должностей и профессий куда более разнообразен:

*«В [списке Минтруда](#) около 140 видов профессий. Почему-то все думают, что это санитары в психбольницах или в каких-нибудь просто в поликлиниках или в каком-нибудь госпитале. Это не так. Это просто **шаблонное мышление** у людей <...> Самое интересное, что они почему-то*

*думают, что, например, это работа санитаром или где-нибудь в школе. А в нашей практике вообще во всех регионах в школах практически никто не работает, потому что школы не подают заявки в Минтруд. И это [такое восприятие АГС] — большое упущение. То есть здесь какие-то все-таки **не развенчанные еще мифы по поводу альтернативной гражданской службы**».*

правозащитница, Москва

Другой собеседник из Вологды подчеркивает полное отсутствие рациональных причин заниматься не своим делом. Соглашаться на «чужую» работу, когда уже есть своя, попросту противоречит здравому смыслу.

«Я не вижу в этом какой-то нужды. Зачем? Я не понимаю, почему я должен выполнять то, что я не хочу, скажем так, делать. Я работаю, у меня есть своя работа. Зачем государству я нужен в каких-то других областях, когда я уже задействован в своей области. Зачем государству меня принуждать к чему-то?»

мужчина, 26 лет, Вологда

Показательно, что информант риторически переносит свою логику и на государство (*зачем государству я нужен?*). В рамках этого рассуждения получается, что не только ему лично не нужна АГС, но и он не нужен на гражданской службе, поскольку он уже пригодился в другой области. Перспектива АГС тем самым представляется не просто как субъективно непривлекательная, но и как «объективно» ошибочная.

Наконец, АГС не воспринимается потенциальными призывниками как реальная альтернатива призыву — во многом благодаря

тому, что она является продуктом той же самой государственной системы, что и сама армия. Фактически в восприятии информантов, АГС — это форма службы в армии (только еще хуже и ненадежнее). Вот несколько реплик, иллюстрирующих это разделяемое большинством представление:

«Тебя могут отправить на АГС, служишь там гражданским и обзваниваешь людей, предлагаешь пойти на контракт. Я даже не знаю, что лучше, а что хуже».

мужчина, 21 год, Санкт-Петербург

«Ты будешь работать все равно на базе воинской структуры, либо на какое-то госучреждение».

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

«Про нее [АГС] я знаю, но она ни в коем образе не решает проблему. Есть вероятность того, что по действующему законодательству⁶ на все территории, сопряженные с военными действиями (а это все-таки территория Российской Федерации). ты можешь быть направлен туда. Не обязательно, что тебе выдадут оружие и пошлют на штурм, но есть большая вероятность того, что жизнь твоя сильно легче от этого не будет».

мужчина, 24 года, Санкт-Петербург

6 Вероятно, информант имеет в виду недавнее нововведение: «В закон о мобилизации [в ноябре 2022 года] добавили статью о том, что в период мобилизации власть может отпирать тех, кто проходит АГС на гражданских должностях обычных бюджетных организаций, на гражданские должности в ВС РФ. Но пока что это спящая норма, она была принята осенью и еще ни разу не использовалась» (1; 2).

Из всех этих реплик следует, что АГС **вовсе не составляет альтернативу военной службе, но, наоборот, является формой поддержки армии или даже войны.**

Здесь стоит отметить, что и эти представления информантов имеют под собой реальные основания. Так, по словам одной из правозащитниц, само государство в лице военкоматов нередко ведет себя непоследовательно: одобряя заявку на АГС, сотрудники военкомата стремятся «пристроить» АГС-ника на работу в собственные военизированные структуры, как в следующем показательном примере:

Вопрос: «А реальная практика, где работают те, кто все-таки получил АГС?»

Ответ: «Да вообще, на самом деле, очень разные места. Есть, например, парень, который пошел служить при церкви, он верующий, можно сказать, что он ортодоксальный верующий. На этих основаниях он подавал на АГС по религиозным убеждениям, и его взяли помогать в храме, работать. Его сначала хотели отправить в Храм вооруженных сил. И там пришлось моим коллегам отбивать его, потому что раз уж вы заменили...»

правозащитница, Москва

Такие действия военкоматов, как и сам по себе низкий процент одобренных заявлений (или — в ряде случаев — существование негласного запрета на их одобрение), а также скептический и зачастую даже враждебный настрой членов призывных комиссий к заявителям, неизбежно способствуют маргинализации и дискредитации института АГС со стороны самого государства.

Показательно, что и в рассуждениях наших информантов об этом способе избегания службы **формально заявленная идеологическая составляющая АГС** (отказ от военной службы по религиозным и этическим убеждениям) **полностью выхолащивается**. Так, АГС не только по умолчанию трактуется как форма военной службы, но и сами понятия «убеждений», «взглядов», «мировоззрения», «идеологии» почти не встречаются в размышлениях потенциальных призывников об этом институте — даже в формате его критики как неэффективного/неработающего. Среди наших собеседников немало носителей антивоенных взглядов, а также встречаются люди, которые заявляли о «личной несовместимости» с армией как социальным институтом в целом. Кроме того, идеологическая составляющая АГС — это общее знание: практически все статьи об АГС в открытом доступе (в том числе, [страница](#) на сайте Министерства обороны — первая ссылка в поисковой строке Google при запросе «альтернативная гражданская служба») содержат цитату из соответствующей статьи Конституции РФ (ст. 596 часть 3), в соответствии с которой право на замену военной службы непосредственно связано с противоречащими ей «убеждениями или вероисповеданием». В этих условиях можно представить себе критику АГС, которая напрямую касалась бы ее официально заявленного содержания (например, высказывания типа «я против войны и насилия, по убеждениям мне положена АГС, но там на деле всех отправляют работать на армию»). Однако это заявленное идеологическое содержание попросту не принимается в расчет и пропускается.

Сугубо инструментальная интерпретация АГС и невосприимчивость наших информантов к ее идеологической составляющей (даже на уровне отвлеченных критических рассуждений) перекликается со слабостью идейных оснований на уровне мотиваций избегания военной службы, описанных в Части 1. Такие переклички позволяют говорить о доминировании прагматической логики при выстраивании стратегии избегания армии как об устойчивой тен-

денции. В свою очередь, то обстоятельство, что никому из потенциальных призывников не приходит в голову отнестись всерьез к предлагаемой государством «альтернативе» и ее формально объявленному смыслу, косвенно свидетельствует об их недоверии и нежелании взаимодействовать с государством.

2°3 Правозащита? Нет, не слышали

На территории России и в русскоязычном сегменте онлайн-пространства действует не менее двух десятков правозащитных организаций и проектов помощи, оказывающих правовую и консультационную поддержку потенциальным призывникам — для защиты их прав, в том числе в деле избегания призыва. Некоторые из этих организаций имеют разветвленную систему филиалов и более чем двадцати- (а иногда и тридцати-) летнюю историю работы, другие же появились после начала полномасштабной войны между Россией и Украиной. Помощь, которую оказывают гражданам в таких организациях и проектах, принципиально бесплатна. Понимание того, кому можно и нужно помогать в каждой из этих организаций, может при этом существенно различаться. Общим же принципом их деятельности является работа исключительно с легальными основаниями для получения потенциальным призывником отсрочки или освобождения от воинской обязанности. Так, к примеру, сотрудники правозащитного проекта могут подробно рассказать обратившимся за помощью про права, которыми они обладают, и объяснить, как ими воспользоваться.

В некоторых ситуациях правозащитники помогают призывнику отстаивать права, если они были нарушены (например, если военкоматы игнорируют и не принимают во внимание законные основания для получения отсрочки).

Как было отмечено выше, правозащита не входит в репертуар стратегий избегания службы, которые рассматриваются нашими собеседниками в качестве приемлемых и доступных. Ответы информантов на прямой вопрос о том, известны ли им какие-либо правозащитные организации, оказывающие помощь призывникам на безвозмездной основе, показывают, что собеседники обладают весьма отдаленными или вовсе нулевыми знаниями как о конкретных организациях, так и о содержании их деятельности. Реакции информантов позволяют сделать вывод о том, что как таковой запрос на правозащитную помощь у них тоже (пока) не сформирован.

К примеру, собеседник из Иркутска признается, что — хотя он и «слышал» о правозащитных организациях, и даже помнит название одной из них — не очень хорошо знаком со спецификой их деятельности («*чем-то таким*», «*без подробностей*»).

Вопрос: «А про какие-нибудь бесплатные правозащитные организации ты слышал?»

*Ответ: «Очень поверхностно, но особо вопросом не занимался никогда. И, честно говоря, у меня было впечатление, что это уже больше для [действующих военно-] служащих история. То есть я про какие-нибудь [название одной из правозащитных организаций по помощи призывникам и военнослужащим], естественно, слышал, но именно про помощь призывникам я знал, что **вроде** пара-тройка организаций **чем-***

то таким занимаются, но без подробностей и как-то особо и не интересовался, честно говоря».

мужчина, 26 лет, Иркутск

Довольно типично среди наших информантов представление о том, что бесплатные правозащитные организации оказывают помощь не столько потенциальным призывникам, сколько тем, кто уже проходит службу, хотя чаще всего на практике это не так (например, организация, которую вспомнил молодой человек из Иркутска, во многом фокусируется именно на помощи призывникам, которых еще на забрали в армию).

2° **Риск «разбудить великана»**

Помимо слабой осведомленности о деятельности правозащитных организаций, ключевым препятствием становится, собственно, **недоверие к государству, дополненное представлением о том, что основной (и единственный) метод работы правозащитных организаций предполагает вовлечение потенциальных призывников в открытую борьбу с военкоматом.** А значит, обращение к ним за помощью только увеличивает риски попасть в жернова безжалостной государственной системы.

«Недоверие вызывает наша система. Например, то, как она умеет ломать. Если ты пришел в военкомат по повестке и сказал, что «я хочу послужить», то они сразу: «да без проблем, братан. Куда хочешь? Туда? Все, ты пошел». А если ты приходишь в такую [правозащит-

ную] организацию, начинают крутить это дело, начинают доказывать, а потом вдруг что-то не сработало (что-то может пойти не так) — тебя не то, что в какое-то очко засунут в плане службы, а тебе просто небо в алмазах покажут. Там товарищ военком так постарается, тебя на лесопилку в тайгу засунут, и ты еще вспомнишь время, когда ты бегал.»

мужчина, 21 год, Санкт-Петербург

Молодой человек из Вологды, описывая сходное ощущение недоверия, предложил меткую, полюбившуюся нам метафору спящего великана:

«К сожалению, никогда нет 100% гарантии, что всё получится. И вот это, наверное, единственный фактор, который меня настораживает, потому что очень не хочется будить великана.»

мужчина, 26 лет, Вологда

Так, аналогично заявке на АГС, некоторые информанты, вообразив сотрудничество с бесплатной правозащитной организацией, **ощущают риски оказаться в поле зрения военкомата, а значит быть распознанным государством в качестве открытого борца за право не служить с очень низкими шансами на успех.** Напомним, что, в представлении информантов, открытое сообщение государству о своем нежелании служить трактуется как вызов или даже объявление войны системе и впоследствии жестоко карается.

Более того, уже само **обращение к правозащитной организации часто понимается информантами именно как автоматический запуск процесса взаимодействия с военкоматом, а не просто как консультация.**

Помимо общего уровня недоверия к государству, причина, по которой призывники не хотят входить с ним в контакт — специфический информационный фон. Один из наиболее активно продвигаемых в независимых СМИ принципов избегания службы, который за время мобилизации превратился в своего рода мантру — **«не ходите в военкомат** (держитесь от военкоматов подальше, не берите повестки и т.п.).

Если же обращение в правозащитное НКО многими призывников воспринимается как автоматическое установление контакта с военкоматом, неудивительно, что они не рассматривают эту меру в качестве осмысленной (то есть, **неожиданным образом, независимые СМИ могут снижать спрос на правозащитную помощь**). Так, один из наших собеседников из Санкт-Петербурга объясняет, что стратегия «невидимки» (по бумагам он остается прикрепленным к екатеринбургскому военкомату, давно живя в другом городе) себя оправдывает и позволяет ему *«чувствовать себя спокойно»*, тогда как обращение в правозащитную организацию сопряжено с дополнительными *«рисками»*, поскольку предполагает поход в военкомат, что, в свою очередь, противоречит завету СМИ: *«поход в военкомат – опасное дело, [а я] только получаю всякие предостережения в СМИ о том, что не надо ходить в военкоматы»* [мужчина, 22 лет, Санкт-Петербург].

2°

3° 2°

Правозащита как экстренная помощь

Означает ли все вышесказанное, что, с точки зрения наших информантов, правозащитные организации вовсе бесполезны? Не совсем.

Действительно, обращение за бесплатной помощью к правозащитной организации не рассматривается информантами как возможная превентивная стратегия. Между тем, с точки зрения некоторых из них, обращаться к правозащитникам имеет смысл **в экстренной ситуации**, «в крайнем случае», когда права потенциальных срочников уже были нарушены государством в лице военкомата, а другие стратегии избегания исчерпали себя.

В этой логике правозащита представляется **экстренной мерой**, к которой обращаются только в случае, **если стратегии обретения «неприкасаемости», то есть получения легальной отсрочки или нахождения вне зоны видимости военкомата, провалились**, и потенциальный призывник уже оказался в поле зрения государства-«великана», которое теперь пытается насильно затащить его в свое логово.

Так, один собеседник утверждает, что обратился бы в правозащитную организацию, в случае если *«была бы применена какая-то несправедливость и незаконность»* и помощь потребовалась бы *«срочно»*, а также если бы уже *«не было бы других очевидных вариантов»* и *«когда уже сам понимал бы, что не справлюсь»* [мужчина, 24 года, Санкт-Петербург]. Другой моделирует следующую ситуацию: *«Безусловно, да. Обратился бы в случае подстраховки: что делать, если меня пытаются в эту армию насильно затянуть, при том, что я тычу им в лицо бумажкой о том, что у меня нет руки»* [мужчина, 21 год, Санкт-Петербург]. Аналогичным образом, еще один информант из Петербурга воображает обращение за юридической помощью только в ситуации, когда он находится *«в заложниках у военкомата или на призывном пункте»* и *«все уже очень грустно»*. Правозащитники, в его представлении, должны помочь бежать из страны [мужчина, 22 года, Санкт-Петербург].

Как и в случае со спецификой освоения и потребления информации, **исключение составляют активные матери призывников** — для них нет барьеров в обращении к правозащитникам («вели-

кан» им не страшен), и они хорошо осведомлены об их деятельности. Как подтверждали собеседники-правозащитники, а также коллега-антрополог, который в 2020–2021 гг. проводил этнографическую работу в одной из крупных правозащитных организаций, в такие организации чаще всего обращаются именно матери призывников, а не они сами.

Что же касается «борцов», которые не боятся вступать с государством в конфронтацию, единицы, выбравшие этот путь, по сути, **сами берут на себя функции правозащитных организаций, а значит, вероятно, уже не нуждаются в их помощи** (так, один из двух встретившихся нам среди информантов «борцов» действовал полностью самостоятельно, а потом «для подстраховки» заключил контракт с платной компанией, а не с правозащитной организацией, материалами которой он активно пользовался в прошлом).

2⁴ Избегание армии как сфера услуг

Вполне закономерно, что существование огромного числа россиян, ежегодно пытающихся избежать воинской повинности, породило целую индустрию коммерческой помощи потенциальным призывникам в получении отсрочек и освобождении от армии. Интернет изобилует тематическими ресурсами разной степени (не)надежности — от сайтов-однодневок и пабликов до полноценных организаций с именем и репутацией. Одна из таких организаций пользуется популярностью и достаточно высокой степенью доверия среди наших информантов (подробней о причинах этого доверия — ниже). Чаще всего такие ресурсы предлагают своим клиентам полное юридическое сопровождение индивидуального кейса и решение проблемы «под ключ». За этим решением, по словам информантов-правозащитников, порой

стоят непрозрачные способы получения легальных оснований для отсрочки: например, консультации врачей, которые «подскажут» призывнику, что нужно сделать, чтобы ему диагностировали заболевание из актуального «расписания болезней».

Чаще всего на вопрос «какие правозащитные организации в сфере помощи призывникам вы знаете?» **наши собеседники сначала называли коммерческие компании.** Это говорит о том, что для многих информантов коммерческие организации расположены в одном поле с некоммерческими, и подтверждает невысокий уровень осведомленности о деятельности правозащитных НКО. В целом, известность платных компаний значительно выше. Кроме того, в отличие от правозащитных организаций, взаимодействие с которыми рассматривается исключительно в гипотетическом ключе, обращение в платную компанию — одна из востребованных стратегий избегания службы, которой уже воспользовались несколько наших собеседников, а еще некоторые рассказали о соответствующем опыте своих знакомых.

Нам кажется, что выбор наших информантов в пользу платной помощи — это не просто интересный и важный с прикладной точки зрения факт, но и последний кусочек пазла, позволяющий сложить картину представлений о стратегиях избегания армии в контексте взаимодействия человека с государством, прагматической логики, запроса на безопасность и минимизацию усилий.

Почему платная помощь популярнее бесплатной?

В целом информанты сходятся во мнении, что юридическое сопровождение (по крайней мере, качественное и эффективное) не может быть бесплатным. И хотя риски, связанные с необходимостью кон-

такта с военкоматом распространяются и на платную организацию, **зачастую платные сервисы вызывают больше доверия** по сравнению с безвозмездной правозащитной помощью **из-за наличия у организации собственных коммерческих интересов и рисков.**

Вопрос: «Почему вы решили обратиться к коммерческой службе, а не к той, которая на безвозмездной основе оказывает аналогичные услуги?»

*Ответ: «**Коммерческая служба в документальном виде дала понять и зафиксировала, что если меня заберут в армию, то они вернут мне всю сумму, которую я заплатил.** Для них было это невыгодно, и я был уверен, что они на такой шаг не пойдут. Более того — если мы говорим про коммерческую службу, то **они банально тратят на меня больше времени, они заинтересованы в том, чтобы договор был выполнен как можно быстрее, чтобы пустить корни своего бизнеса на других призывников.** Если мы говорим про некоммерческую, то у них нет такой цели. Они готовы тратить на меня время в меньшей степени, они юридически мне ничего не гарантируют, а риск был слишком большой, так что мне было проще отдать деньги».*

[мужчина, 26 лет, Санкт-Петербург]

Согласно логике этого информанта, коммерческая служба финансово заинтересована в том, чтобы выполнить условия договора, а значит готова *«тратить [на клиента] больше времени»*, чем бесплатная организация, у которой такого интереса нет и которая не предоставляет обратившемуся за помощью никаких гарантий.

В то время как **сотрудничество с коммерческой организацией скреплено договором и финансовыми обязательствами**, что автоматически возводит получение помощи с избеганием армии в разряд *«рабочих отношений»*, в случае обращения в бесплатную организацию, по мнению информанта из Иркутска, рассчитывать можно только на удачу:

«Наверное, психологический какой-то момент, что, когда ты заключаешь какой-то конкретный договор и платишь за это такие-то деньги, это уже какие-то рабочие отношения. А когда ты приходишь в бесплатную организацию, ты: повезет — помогут, не повезет — не помогут. Такое немножко подвешенное состояние. Наверное, такой момент присутствовал».

мужчина, 26 лет, Иркутск

Реже в интервью встречается обратная логика, в соответствии с которой получение коммерческой выгоды под видом защиты гражданских прав трактуется как разновидность мошенничества:

*«Я считаю их конторами **не самыми честными**. Это не потому, что они помогают в полулегальной зоне действовать, а потому что они, зачастую, **берут дохрена денег и не то, чтобы сильно помогают**. Они говорят: "Вот туда сходи, с тебя 150 тысяч"».*

мужчина, 23 года, Санкт-Петербург

*«А платным организациям я доверяю меньше. Потому что их цель — **не защитить права, а заработать**».*

мужчина, 20 лет, Санкт-Петербург

Тем не менее, представления о ненадежности платных организаций сами по себе не заставляют информантов обращаться к правозащитникам, работающим на некоммерческой основе.

С точки зрения одного из собеседников, молодого человека из Тюмени, ресурсы российской правозащиты ограничены в условиях войны — и потому предназначены для экстремальных ситуаций. Несмотря на низкий доход, ему кажется «рациональнее» в рассрочку оплачивать контракт с одной из коммерческих организаций, т. к. бесплатные, по его представлению, перегружены. В целом, подобная позиция соответствует представлению о правозащите как об экстренной помощи «на крайний случай».

Важным фактором привлекательности платных организаций (выгодно выделяющим их на фоне правозащитных НКО, деятельность которых для многих покрыта туманом) оказывается тот факт, что они предлагают **конкретные осязаемые результаты**, понятные потенциальному получателю помощи еще до момента обращения.

Следующие две цитаты демонстрируют, что **гарантии и результат — это то, что волнует многих информантов в первую очередь**. По отношению к этому фактору платность или бесплатность получаемой помощи оказывается вторичным обстоятельством:

«Наверное, сказал бы так, что если бы у меня были 100% гарантии, что я получу свой белый билет и смогу продолжить жить как нормальный человек, без опасности за свою жизнь, то я бы обратился, и неважно мне, было бы это бесплатно или не бесплатно, то есть без разницы».

мужчина, 26 лет, Вологда

«Мне-то главное, чтобы была моя выгода, чтобы мне сделали жесткую отсрочку до неопределенного количества времени, что я не могу пойти в армию, и я в военкомат прихожу, показываю и говорю: «Все, отстаньте». Мне не принципиально, кто это сделает».

мужчина, 25 лет, Москва

2°

4° 2°

Почему платная помощь популярнее бесплатной?

Кажется, что одним из ключей к объяснению выбора и приоритизации нашими информантами стратегий избегания призывной армии становится слово «услуга». В ситуации, когда отстаивание собственных прав в легальном поле означает контакт с непредсказуемым и враждебным государством-«великаном» в лице военкомата, а также требует от призывника проактивной позиции и затраты личных усилий, — альтернативой становится перенос решения проблемы призыва в поле сервиса.

Сфера услуг — это знакомый, комфортный, безопасный и контролируемый мир привычных рыночных отношений, мир, деполитизированный и свободный от притязаний государства. Именно поэтому модель помощи как коммерческой услуги кажется многим информантам такой понятной и надежной.

Сама инфраструктура платной помощи — сайты с различными «пакетными предложениями», гарантией возврата средств, телефонами и чатами поддержки — воспроизводит знакомую потребительскую среду. В этих условиях выбор предложений помощи в избегании срочной службы внешне не сильно отличается от выбора интернет-тарифа или подписки на стриминговой платформе: про-

цесс удобен, предлагаемые опции измеримы в деньгах, а главное, результат (по крайней мере, с виду) — гарантирован и предсказуем. Покупая товар, человек, как правило, знает, что получит взамен за свои деньги. Это выгодно отличает взаимодействие в сфере услуг от полного неопределенностей и рисков взаимодействия с государством.

Кроме того, сфера услуг не требует от человека проактивной позиции и политизации. Призывнику в роли покупателя не обязательно формировать, декларировать и отстаивать какие бы то ни было принципы или убеждения. Напротив, сервис — область реализации индивидуальных интересов и потребностей.

Наконец, с прагматической точки зрения, в сфере платной помощи усилия призывника минимизированы: в пределе он получает заветную возможность *«купить и забыть»*.

В этом контексте бесплатная правозащитная помощь воспринимается многими нашими информантами как «ухудшенная» услуга с дополнительными рисками вместо гарантий и страховок. Именно поэтому ее рассматривают лишь в качестве экстренного варианта — как поход к бесплатному психотерапевту в районной поликлинике, к которому идут, когда других возможностей не осталось, зная, что он потенциально может усугубить твою ситуацию.

Действительно, если рассматривать правозащиту через призму рынка услуг, этот тип «сервиса» окажется неполноценным: так, правозащитники редко осуществляют полноценное юридическое сопровождение отдельного кейса, особенно в таких массовых правовых случаях, как мобилизация или сезонный призыв (исключения составляют, как правило, «прецедентные» дела, обладающие *«большой общественной значимостью»* — правозащитница, Москва). Поскольку юристы в правозащитных проектах редко работают на коммерческой основе, ресурсы для оказания помощи населению в

таких организациях принципиально ограничены и не могут сравниться по своему масштабу с платными конторами. Однако, сами правозащитники видят свою деятельность кардинально отличной от сферы коммерческих услуг. С их точки зрения, правозащита подразумевает активное и осознанное участие самого человека, обратившегося за помощью, в защите собственных прав (подкрепленное экспертным информированием, консультационной поддержкой, помощью в составлении заявлений и т.д.). Вопреки представлениям наших информантов-призывников, с точки зрения правозащитников подобная позиция не всегда предполагает прямую конфронтацию с государством, однако требует от призывника самостоятельных усилий и освоения базовой правовой грамотности.

Стратегии избегания службы: ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

► **И**так, наиболее востребованные информантами стратегии избегания/уклонения от службы не предполагают информирования военкомата о своем нежелании служить или желании бороться за свои права. Эти стратегии могут быть рассчитаны на то, чтобы стать «неприкасаемым» — то есть получить официальное «алиби», которое послужит защитой от любых притязаний со стороны государства — военник или отсрочку (при этом получить его не обязательно легальными методами). Другая популярная стратегия — путь наименьшего сопротивления через уход в тень: стать невидимкой, **исчезнуть из поля зрения государства.**

Наиболее редкая стратегия предполагает проактивную открытую конфронтацию с военкоматом. Выбравшие ее люди готовы отстаивать свои гражданские права «лоб в лоб» (писать жалобы, подавать иски, идти в суды). **«Борцы» скорее не нуждаются в помощи со стороны правозащитных организаций,** поскольку сами становятся своего рода экспертами в правозащите. Они самостоятельно ищут необходимую информацию, осваивают подготовленные профессиональными правозащитниками мануалы и инструкции, составляют тексты заявлений и исков.

АГС не воспринимается как реальная альтернатива службе по тем же прагматическим соображениям («потеря времени», «мало денег» и др.), которые в первую очередь мотивируют информантов избегать призывной армии. Напротив, **АГС трактуется как еще более проигрышный вариант той же самой службы.** При этом официальное идейное основание АГС (отказ от военной службы «по убеждениям») не принимается в расчет и не работает. Это в оче-

редной раз подтверждает общий прагматический взгляд на армию, а также косвенно свидетельствует о нежелании потенциальных призывников взаимодействовать с государством (никому не приходит в голову отнестись всерьез к предлагаемой государством «альтернативе» и ее формально объявленному смыслу).

У информантов в целом **отсутствует запрос на помощь бесплатных правозащитных организаций**. Собеседники выражали готовность обратиться в правозащитную организацию **лишь в гипотетическом ключе и в крайних случаях** — например, когда они уже попали в поле зрения военкомата и/или против них были применены противоправные действия.

Как перспектива **обращения к правозащитникам**, так и **заявка на АГС**, с т. з. многих собеседников, **несут в себе риск «разбудить великана»** — вывести их в поле зрения военкомата и автоматически настроить государство против себя; именно поэтому обе эти стратегии проигрывают остальным.

Коммерческая помощь многим кажется предпочтительнее бесплатной правозащитной — она ассоциируется у людей с гарантированным результатом и несет в себе минимум издержек. Сфера платных услуг (в том числе из-за ее неполитического характера) представляется комфортной, предсказуемой и безопасной от притязаний со стороны государства и поэтому составляет альтернативу более «политизированным», рискованным и затратным стратегиям защиты своих прав и конфронтации с государством.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Деление аудитории по параметру включенности в «либеральную повестку» («пузырь») оказалось нерелевантным для типологизации потребностей, стратегий и мотиваций, связанных с избеганием срочной службы.

В мотивациях и стратегиях избегания службы прагматические соображения и частные интересы доминируют над убеждениями и идейными основаниями.

Нежелание служить не возводится в моральный принцип (как, например, антивоенная позиция), а значит, и не предполагает радикализма, который существенно шел бы вразрез с жизненными планами и комфортом.

Служба в армии ≠ служба в воюющей армии: большинство информантов с антивоенной позицией, говоря о своем нежелании служить, не используют аргументы антивоенного нарратива, описывающие войну в Украине как преступную и неправомерную; срочная служба в армии воспринимается как отдельная повинность и самостоятельный социальный институт, лишь опосредованно связанный с армией РФ, ведущей военные действия на территории Украины.

Многие потенциальные призывники готовы идти на различные, в том числе юридически непрозрачные меры ради обретения легального статуса освобождения от службы, но не готовы отстаивать свои права через прямое столкновение с государством в легальном поле. Информанты одновременно стремятся избежать службы и

обезопасить себя от конфронтации с государством — то есть представить свою отсрочку как не зависящую от их воли ситуацию, а не результат сознательного выбора. Идеальная ситуация избегания службы, с точки зрения информантов, предполагает минимум взаимодействия с государством, получение военного билета и отсрочки с пожизненной гарантией («чтоб [от них] отстали навсегда»).

Защищать права и обращаться за помощью к правозащитным организациям и адвокатам информанты готовы только в «экстренных ситуациях» — то есть когда права уже были нарушены, а не превентивно.

В целом, информанты слабо осведомлены о деятельности правозащитных организаций, а запрос на обращение к правозащите не сформирован. Правозащита воображается многими потенциальными призывниками как бесплатный и менее качественный эквивалент коммерческих услуг.

АГС воспринимается как полноценная часть армейской структуры, ее идейное наполнение (не служить по убеждениям) выхолащивается, а ее издержки — в восприятии информантов — даже превышают издержки службы в армии. АГС всерьез не рассматривается в качестве альтернативы и вообще не считается вариантом избежать службы.

Информанты скорее ищут информацию ситуативно, под конкретные практические запросы и задачи, а не стремятся к освоению контекста, самообразованию и повышению грамотности в области прав и законодательства. Представления о срочной службе и способах ее избегания во многом сформированы источниками на расстоянии вытянутой руки — друзья, реклама в ленте, первые ссылки по запросам и т.д. Матери призывников, наоборот, ориентированы на систематическое освоение информации, в том числе в области законов и правовых актов.

Потенциальные призывники предпочитают заниматься решением «проблемы» призыва не через государственные институты и правовые механизмы непосредственно, но делегировать эту проблему посредникам в более понятной и привычной «сфере услуг», которая осознается как безопасная и комфортная. Основной запрос к любым потенциальным агентам помощи — конкретный результат, прозрачность взаимодействий, гарантии и страховка от рисков.

Практические рекомендации

**правозащитным организациям и
сервисам помощи военнообязанным**

Исходя из выводов исследования, мы предполагаем, что идеальный проект помощи срочникам мог бы выглядеть так:

■ в позиционировании опирается на частные интересы и решение конкретных задач;

Исходя из вывода о доминировании прагматических мотиваций, в позиционировании продукта имеет смысл ориентироваться не на ценности, а на частные интересы и решение конкретных задач; возможно, есть смысл вообще отказаться от идейности/убеждений как от значимого параметра.

■ не занимается «воспитательной работой» и не занимает явной позиции относительно войны;

Исходя из вывода об отсутствии прямой связи между службой в армии и антивоенной позицией, в медиа-материалах проекта имеет смысл аккуратно выстраивать риторику, не навязывая эту связь. Например, четко отделить продвижение предлагаемого сервиса через посты о минусах и рисках мобилизации с прагматической стороны (еще больше ощутимых трудностей, потери времени, прямых угроз жизни и т.д.) от «ценностно нагруженных» антивоенных постов (например, о том, что насилие — это плохо) или даже вовсе исключить последние, оставив «воспитательную» роль основному журналистскому проекту.

■ в явном виде описывает конкретные проблемы, которые можно (и нельзя) решить с его помощью; конкретные результаты, которые можно получить; конкретные риски и страховки от них; а также четкие сценарии взаимодействия получателя помощи и сервиса;

В объятиях великана:

**кто не избегает службы в России
и кому помогать? [послесловие]**

В этом прикладном по своему характеру исследовании финальным продуктом была развернутая презентация и обсуждение результатов и практических рекомендаций с сотрудниками нескольких сервисов помощи, рассчитанных на потенциальных призывников. Как часто бывает в прикладных исследованиях, по ходу работы с материалами у нас возникали дополнительные соображения, сомнения и рефлексии, которые выходили за рамки практических задач и целей проекта. Мы решили вернуться к ним при подготовке публичного отчета, то есть через несколько месяцев после завершения прикладной части.

Временная дистанция помогла нам посмотреть на дизайн собственного исследования и его результаты критически и наметить точки соприкосновения с более широкими контекстами: социальным неравенством и спецификой распределения помощи инициативами, чья деятельность так или иначе направлена на социальные изменения в России.

Наша ключевая амбиция в этом заключительном разделе состоит в том, чтобы **высказать предположения и поставить вопросы, которые помогут посмотреть на проекты помощи критически и потенциально сделать их более эффективными**. В своих предположениях мы не претендуем ни на экспертность, ни на новизну (вероятно, многим профессиональным правозащитникам и сотрудникам НКО они могут показаться спорными или слишком очевидными) — в любом случае, мы будем рады спровоцировать критику и дискуссию.

Все три идеи, на которые нас натолкнули материалы исследования, так или иначе связаны с «ловушками восприятия» — наборами **допущений относительно потенциальных получателей помощи** — допущений, которые могут встать на пути у тех, кто эту помощь оказывает.

Перечислим эти идеи в формате спойлеров (а ниже обсудим подробнее).

1 В дизайн сервисов помощи и исследований аудитории может быть заложено **воспроизводство социальных неравенств**; в результате ограниченные ресурсы рискуют достаться тем, кому они меньше нужны. Чтобы сделать проекты помощи более эффективными, необходимо **учитывать фактор неравенства, не списывая со счетов менее привилегированные группы** (на эту удочку попались и мы сами при формировании выборки исследования).

2 Люди имеют определенные ценности и убеждения, ориентируясь на которые они выстраивают собственную идентичность и биографию. При этом наличие убеждений, как правило, не мешает людям поступать рационально — с точки зрения оптимального для себя баланса приобретений и потерь (материальных, статусных, эмоциональных и др.). Кажется, что **правозащитные инициативы** и, шире, любые **проекты, ориентированные на развитие гражданского общества, имеют больше шансов на успех, если будут апеллировать к прагматике**. Условно говоря, чем лучше люди понимают, как инициатива соприкасается с их частной жизнью (а не только и не столько с **абстрактной идеологической программой**, даже если они с ней всем сердцем солидарны), тем больше шансов, что эта инициативы найдет отклик.

3 Многие **россияне не доверяют официальным государственным институтам** и хотят минимизировать свое столкновение с ними. Поэтому установка правозащитного сектора на отстаивание прав легальными путями может не находить отклика. Зачем вступать в игру с соперником, про которого заранее знаешь, что он не соблюдает правила?

Первую идею мы обсудим подробно, привлекая дополнительный этнографический материал. Остальные две — кратко, поскольку они по сути дублируют соображения, которые разобраны в основной части отчета.

4¹

Отказ от службы как классовая привилегия

Одной из отправных точек для послесловия стал по-своему подрывной вопрос, который возник у нас лишь на позднем этапе анализа материала: **насколько наши информанты вообще нуждаются в помощи?** Вопрос имеет прямое отношение к специфике нашей выборки.

Напомним, что от обратившихся к нам сотрудников сервиса помощи потенциальным призывникам с самого начала исходил запрос на исследование с одной стороны, новой и неизвестной для них аудитории (т.е. людей вне «пузыря» их подписчиков), с другой стороны, аудитории не слишком социально далекой, такой, до которой будет легче дотянуться. В итоге нашу выборку составили люди призывного возраста, преимущественно образованные жители больших городов, которые не хотят проходить срочную службу. Следовательно, выборка **изначально была классово «скошенной»** и включала лишь **специфическую прослойку россиян**.

Между тем, в начале исследования мы не знали, **как именно эти классовые вводные соотносятся с представлениями о срочной службе и стратегиями ее избегания**. Вопрос о том, что общего у городских российских юношей, которые не хотят служить (то есть какими социальными характеристиками они обладают, что их объединяет и отличает от других в контексте отношения к призывной армии и возможностей ее миновать), оставался для нас открытым и был одним из самостоятельных вопросов исследования. Как выяснилось, изначально предложенные критерии медиапотребления и наличия выраженной политической позиции оказались нерелевантными в вопросе мотиваций и стратегий избегания службы.

Тогда что же объединяет наших информантов, и в чем проявляется их классовая принадлежность?

Во-первых, это **наличие возможностей и ресурсов для избегания армии**: в большом городе существенно проще пропасть из поля зрения военкомата; больше шансов, что документы призывника затеряются в бардаке бюрократии; больше легальных возможностей для отсрочки (например, вариантов учебы или работы); наконец, попросту больше денег и «нематериальных активов», которые расширяют ассортимент возможных стратегий избегания (деньги позволяют воспользоваться платными услугами или дать взятку), а более разнообразная социальная и информационная среда вмещает **больше «культурных образцов» и сообществ, в рамках которых армия наделяется отрицательными смыслами, а ее избегание — положительными.**

Во-вторых, **наличие привлекательных карьерных траекторий**, не связанных с наличием военного билета. Для наших информантов, образованных жителей крупных городов и региональных центров, армия представляется потерей времени именно на фоне разнообразия более заманчивых карьерных и жизненных перспектив.

В-третьих, в крупных городах потенциальные призывники — по крайней мере, в среде наших информантов — **не испытывают на себе социального давления** культурного образца «настоящего мужчины». Напротив, служба не является в их окружении нормативным поведением.

В-четвертых, наших информантов объединяет **ощущение контроля над собственной жизнью**, представление о доступном выборе из ассортимента жизненных сценариев и о самой **ценности** этого **выбора и контроля**. Пользуясь формулировкой Тамары Кусимовой, «определенная субъектность, подразумевающая специфические представления об агентности, то есть **способности**

влиять на свою жизнь и выстраивать ее, пользуясь институциональными ресурсами» [[ССЫЛКА](#)]. Если наши информанты чувствуют, что могут сами влиять на свою жизнь и выстраивать ее так, как им хочется, зачем вверять ее кому-то еще? В том числе поэтому проходить службу в армии, то есть во многом передавать контроль над своей жизнью государству, кажется им непривлекательной опцией. В то же время наши собеседники знают о других опциях и часто имеют ресурсы, чтобы ими воспользоваться (уехать за границу, поступить в университет, воспользоваться платной помощью и др.).

В перечисленных условиях **избегание армии является нормой, а служба — скорее отклонением от нормы, вариантом с низким социальным престижем.**

Чтобы удостовериться в том, насколько эти характеристики выделяют наших информантов (и, предположительно, других людей в похожих условиях — то есть образованных жителей крупных городов призывного возраста), нужны сравнительные данные. В рамках проекта среди наших собеседников из основного пула не было людей из маленьких региональных городов или сел. Однако дополнительные материалы позволяют нам по крайней мере заглянуть в иные классовые миры. Во-первых, это экспертные интервью с правозащитниками, во-вторых, несколько интервью с юношами призывного возраста, собранных нами в ряде российских регионов в населенных пунктах небольшого размера в рамках другого текущего проекта.

Правозащитники, имеющие опыт работы с жителями небольших населенных пунктов в российских регионах, подтверждают принципиальную разницу условий в возможностях уйти из поля зрения военкомата. Так, одна из правозащитниц говорила о плотности социальных связей как об основном препятствии. Даже физический отъезд может не помочь призывнику скрыться, поскольку сотрудники военкомата, как правило, лично знают его родственников.

«[В большом городе] легко затеряться среди городской толпы, там нет таких тесных связей, как если бы, например, в той же Удмуртии, где все настолько друг друга знают, даже если ты уехал в другой регион. <...> Часто бывает так, что если они не могут найти самого призывника, который уехал в другое село, например, работать и попытаться скрыться, они вызывают его родителей, с которыми они живут на соседней улице. <...> Вот у меня был парень [обратившийся за помощью]. Я у него спрашиваю: «А вы не можете отключить телефон?» <...> Он говорит: «Я-то сделать это могу. Но у них есть номера телефонов моих родителей, моего брата, который там в полиции служит, и они все друг друга знают. И они будут туда звонить». И они действительно звонили <...> Если человек пытается скрыться, например, от военкомата, куда-то уехать, <...> то через родственников так или иначе все равно легко узнать, где он находится».

правозащитница, Москва

В том числе поэтому распространены в негосударственных медиа советы «не ходить в военкомат», адресованные всем призывникам, на самом деле применимы исключительно в условиях крупных городов. Для жителей маленьких населенных пунктов они попросту лишены смысла.

Более того, даже в крупных региональных центрах риски ситуации, когда пространственная близость и социальная плотность создает дополнительную угрозу, существенны. Так, в интервью, которое мы

проводили в ходе в другого исследовательского проекта, юноша из Краснодара, переехавший в небольшой город в Армении, описывал следующее положение вещей:

«Ещё когда я жил в России, прямо этажом ниже жил человек, который напрямую работает в военкомате, она лично приходила ко мне и пыталась вручить повестку, то есть просто потому, что я живу в её доме, с ней в одном доме».

мужчина, 20 лет, Краснодар — Армения

Совет «не ходить в военкомат» в случае, когда сотрудник военкомата живет с тобой в одном доме и может в любую минуту позвонить в дверь, выглядит как горькая шутка. И если в большом городе такая ситуация — скорее случайное совпадение и исключение, для маленьких населенных пунктов это норма.

Чтобы продемонстрировать разницу между ситуациями, в которых существуют жители больших городов и жители небольших населенных пунктов, сравним фрагменты из двух интервью. Одно — с юношей из Иркутска, тестировщиком, удаленно работающим на московскую IT-компанию. Это интервью из нашего основного пула информантов, потенциальных призывников из больших городов. Второе — с юношей из небольшого города в Свердловской области (население ≈ 6 тыс. человек), студентом техникума по специальности, связанной с коммерцией.

Информант из Иркутска, мотивируя нежелание проходить срочную службу, сам вышел на тему интересующей нас классовой разницы, описав ее через метафору социального лифта:

«Просто общался со знакомыми, которые служили. и общее впечатление сложилось, что это просто год, который не приносит тебе никакой пользы. Типа армия прикольная штука и может работать как социальный лифт, но если у тебя вообще нет других вариантов. А у меня и с работой более-менее что-то складывалось, и в общем какого-то интереса вообще не вызывало».

мужчина, 26 лет, Иркутск

Теперь приведем фрагмент из разговора с информантом из маленького областного города о его планах на будущее после завершения учебы в техникуме.

«У меня перспектива на службу. Я хочу получить звание, чтобы потом на пенсию уйти пораньше».

Вопрос: «А ты собираешься работать в войсках, военным?»

Ответ: «Да, там коммерция тоже требуется. <...> Я постараюсь по своей специальности пойти каптером, это сразу в трудовую книжку заносится. Я, получается, с самых низов постараюсь трудовую книжку завести на хороший результат, чтобы больше открытых дверей было, чтобы было больше специальностей, куда меня могут взять».

Вопрос: «А какие это могут быть специальности?»

Ответ: «Например, в Екатеринбурге есть мерчендайзер, он получает от 70 до 120 тысяч

*рублей, но туда нужен опыт работы от двух лет. Но мерчендайзер и каптер — это почти одно и то же. Мне в армии объяснили, я через отца выяснил, через брата, которые служили, каптер и мерчендайзер — это одно и то же почти. <...> Это все равно же будет считаться как **опыт работы**. Сейчас без военника тяжело куда-либо пойти работать, это всегда спрашивается».*

мужчина, 17 лет, Свердловская область

Для информанта из маленького города смыслы, которыми наделяется перспектива срочной службы, буквально зеркальны по отношению к мотивациям информантов из больших городов. В приведенной цитате армия действительно работает как социальный лифт, о котором в гипотетическом ключе говорил собеседник из Иркутска. Юноша из небольшого областного города буквально рассуждает об армии в категориях карьерного роста, расширения профессиональных навыков и спектра дальнейших возможностей («*больше открытых дверей*»). Напротив, информант из Иркутска говорит об армии как о том, что может затормозить его профессиональное развитие:

«Бесполезное занятие, которое особо ничего тебе не даст. Просто год покушаешь, потаскаешь ящички и окажешься в том же месте, с которого ты начинал. Скорее всего даже не на том же месте, а еще там, условно, какие-нибудь знания, навыки растеряешь, придется все это восстанавливать».

мужчина, 26 лет, Иркутск

Таким образом, срочная служба, которая собеседниками из крупных городов воспринимается как **карьерный барьер**, для людей в иных классовых условиях является **карьерным трамплином**.

Для образованных жителей больших городов, не желающих проходить срочную службу, армия, как видно из основной части исследования, обладает низким социальным престижем (грубо говоря, это занятие для неудачников, которые не смогли себе найти работу получше, в некоторых случаях еще и негативно окрашенное с нравственной точки зрения). Напротив, **уклонение скорее является для них нормой**. В небольших **региональных городах и селах ситуация обратная**. Попытки «бегать от военкомата», по словам правозащитников, наделяются негативными значениями. Вероятно, это связано с риском общественного осуждения (поскольку в маленьких городах срочная служба — это, наоборот, нормативное поведение, и по умолчанию от юношей ожидается соответствие культурному образцу «настоящего мужчины», который не бежит от армии); то же самое касается и альтернативной гражданской службы, которая маркируется как «недостойное» и не «мужское» занятие.

«[Призывники из регионов] говорили, что «я не хочу бегать», «я не хочу скрываться, вот, скрываться я не хочу. Они хотят за мной прийти? Окей, пусть приходят. Давайте что-нибудь придумаем, как с ними бороться. Но бегать от них я не собираюсь». Где-то прятаться, чтобы меня не поймали, не заметили — вот это им очень не нравится. <...> В принципе, вот, сколько у меня было из Москвы, например, или крупный город, тот же Новгород — от них я такого не слышала. <...> Есть среди призывников такое заблуждение <...> о том, что, если я мужик, то

я пойду все-таки служить в армию. Потому что альтернативная гражданская служба — что это такое? Это какое-то не очень достойное основание, чтобы откосить от армии».

правозащитница, Москва

В свою очередь, стратегия симуляции заболеваний оказывается затруднена, во-первых, по тем же самым причинам, что и попытки спрятаться от военкомата (тесные связи и неанонимные отношения с работниками учреждений в небольшом сообществе): *«просимулировать не так просто, потому что тебя до этого знали с другим диагнозом и в том числе местные врачи. У которых ты с детства под наблюдением в одной и той же поликлинике»*. Во-вторых, из-за рисков стигматизации: *«в таких местах <...> стигматизация все-таки высокая, особенно связанная с психическими заболеваниями, для людей с диагнозом»* [правозащитница, Москва].

В то время как информанты из больших городов стремятся заполучить отсрочку от армии в виде медицинского диагноза — ради этого многие из них готовы тратить время, деньги, идти на ухищрения и риски, связанные с нарушением закона — для людей из маленьких населенных пунктов в регионах диагноз, наоборот, может стать препятствием в выстраивании жизненной траектории. Так, еще один собеседник из небольшого города, молодой юноша из приемной семьи, сетовал на наличие медицинской справки как на серьезную помеху:

«Я учиться хотел 4 года, а потом служить пойти по контракту на 9 лет <...> Но я прошел медкомиссию военную — у меня негодность в армию. Со здоровьем у меня все отлично, но из-за первой [приемной] семьи меня не допустили, потому что они написали справку, что я больной»

на всю голову. В больницу съездили, они [в больнице] сказали, что вроде все хорошо, но все равно эту справку не убрать было. Мне всю жизнь испоганили, так сказать».

мужчина, 17 лет, Свердловская область

Приведенные выше цитаты из интервью с правозащитницей относятся к людям из регионов, которые тем или иным образом выходят на юристов, то есть все же задумываются об избегании службы. И даже им подходят только «достойные» стратегии (какие именно — вопрос для отдельного исследования), поскольку «бегать», «симулировать ментальное расстройство» и проходить АГС — это стигмы. Мы предполагаем, что таких людей в маленьких региональных населенных пунктах — меньшинство (при этом от правозащитников мы знаем, что такие люди есть, и это не единицы, а полноценная тенденция). Для остальных же армия наделена положительными смыслами — не только в силу карьерных перспектив, но и как знак престижа, а также ценный социальный ресурс.

Так, один из информантов из маленького города признавался, что изначально *«хотел в какие-то элитные войска <...> хотел отслужить красиво, с гордостью»*. На службе его определили в артиллерию, а затем перевели в РХБЗ (Войска радиационной, химической и биологической защиты), чем он, по собственным словам, был разочарован: *«Там не было такого чего-то, чрезмерной радости какой-то, что я отслужил, что вот мой праздник, что я со всеми выпью, е-мое. Ты по факту понимаешь, что ты херней занимался. Там в плане работки, в плане движений всех — гордиться вообще нечем»*. Несмотря на разочарование в службе, информанту оказывается важно сохранить имидж. Поэтому, как бы рассуждая сам с собой, он выносит следующий рецепт для упоминания армии в разговоре с другими: *«Молчи про это [про то что, занимался херней]. Говори что вот, отслужил — красавчик»* <...> *Я год отслужил с гордостью, с почетом. Даже ящички таскать — я все равно горжусь этим»*. Этот же собеседник рас-

сказывал про «единомышленников», которых удалось встретить во время службы: *«Там были ребята с КМБ, с которыми мы заобщались хорошо. С ними группировки какие-то сделали <...> оттуда уже пошли движухи всякие. Там можно было и властвовать и разделять с сержантами и офицерами»*. Таким образом, по крайней мере на уровне ожиданий, для многих юношей из маленьких городов призывная армия является источником престижа и новых социальных связей.

Еще один параметр, который, по нашему предположению, классово выделяет информантов из основного пула — **представление о праве распоряжаться жизнью самому** (а не вверять ее внешним агентам или институциям). Тема кажется достаточно сложной, чтобы рассуждать о ней на материалах нескольких интервью. Однако по косвенным признакам можно предположить, что у информантов из маленьких региональных городов подобного рода индивидуализм проявлен слабее. Так, собеседники из регионов, говоря об армии, неоднократно ссылались на внешние инстанции — семью и государство: *«С детства просто приучили, что нужно отдать долг родине. <...> У нас в семье такой неписанный договор, что каждый должен отслужить. Я этому придерживаюсь, мне с малолетства это привили»*. Неизвестно, насколько такие категории, как «долг родине» или «неписанный договор», реально определяют личное отношение человека к службе. Однако даже риторическое обращение к ним и многократные ссылки на семью говорят как минимум о том, что собеседнику кажется правильным подчинять собственную судьбу этим авторитетным, надындивидуальным инстанциям. Информанты из основного пула, напротив, подчеркивали, что не идти в армию — это именно их личный выбор, а не выбор их родителей.

Важная оговорка: само ощущение выбора — тоже продукт социального бэкграунда и привилегий. Другими словами, речь ни в коем случае не о том, что первые — пассивны и конформны, а вторые свободны и независимы, речь именно о принципиальной разнице исходных социальных условий и соответствующей разнице в пред-

ставлениях о наличии и ценности выбора и в моделях позиционирования себя. Если же «городские» информанты апеллировали к таким формулам как «долг Родине», то исключительно, чтобы продемонстрировать свою независимость от мнимых обязательств перед государством.

Приведем две цитаты, демонстрирующие разные типы представлений о долге.

«Я не считаю, что я должен отдавать какой-то долг Родине. Перед Родиной у меня нет никакого долга. Родина никак не помогала моей маме растить меня, ничем, и всё».

мужчина, 26 лет, Вологда

«Лет до 10 мы жили бедно. <...> Тогда еще только Володька начал эти выплаты делать. Выплаты начали поступать — мы более-менее встали на ноги. <...> Как мне кажется, за счет этих выплат мы и встали с колен. И я за это обязан, если честно».

мужчина, 17 лет, Свердловская область

В обоих высказываниях речь именно о двусторонних отношениях. Для собеседника из крупного регионального центра эти отношения не установлены (условно: государство мне никак не помогало, с какой стати я должен помогать ему?). Напротив, для юноши из Свердловской области чувство долга перед государством формируется в контексте социальной поддержки (государство мне помогло, значит, я обязан).

Степень экономической зависимости от государства кажется принципиально важным критерием (и большой темой для отдельного исследования). В порядке предположения: чем больше у человека в России привилегий (экономических, социальных, образовательных), тем больше возможностей для того, чтобы минимизировать свои отношения с государством. И наоборот, непривилегированные условия вынуждают к тому, чтобы вовлекаться в отношения с государством, пользоваться государственной поддержкой в обмен на готовность отдавать «долг Родине».

Рассмотренные примеры подтверждают, что разные условия означают **не только разный уровень возможностей избежать службы, но и совершенно разные типы отношения к армии.**

При сопоставлении высказываний юношей из разных классов сред становится понятно, что **само по себе желание избежать службы является привилегией.** Проще говоря, если человек родился в маленьком городе, у него меньше шансов избежать службы не только потому, что это сложнее сделать там, где сотрудники военкомата знают его родственников в лицо, но и потому, что **условия создают меньше предпосылок к тому, что он вообще захочет ее избежать** (т. к. в маленьком региональном городе служба = престиж, карьерный трамплин и возвращение долга государству, а избегание = стигма).

Вывод об отношении к срочной службе как производной от классовых условий отчасти [подтверждается](#) статистикой (2021): среди людей с высшим образованием процент считающих армию «потерянными годами» и заявляющих о том, что армия должна комплектоваться только или преимущественно за счет контрактников, заметно выше, чем среди людей со средним образованием и ниже.

Таким образом, **выборка из жителей больших городов, желающих избежать срочной службы, рациональна с точки зрения**

медиа-менеджмента (до них действительно «проще дотянуться»), **но не рациональна с точки зрения распределения ограниченной помощи**: у наших информантов изначально больше условий и ресурсов для того, чтобы избежать призыва. Более того, само нежелание служить с большой вероятностью является знаком их привилегий и наличия этих ресурсов.

Завершив исследование, мы поняли, что люди подобные нашим информантам **и так скорее всего не попадут в армию**. Этим замечанием мы ни в коем случае не хотим сказать, что людям с большим количеством привилегий не нужно оказывать помощь. Наша идея лишь в том, чтобы критически посмотреть на собственное исследование и увидеть конкретный риск: **в дизайн проектов помощи и исследования аудиторий может быть заложено воспроизводство существующих социальных неравенств**. В нашем случае, если окончательная цель проекта помощи призванным состоит в том, чтобы как можно меньше людей попали на срочную службу, вероятно, эффективнее сфокусироваться на аудиториях, которым изначально сложнее избежать армии, или, по крайней мере, не списывать их со счетов.

Важная оговорка состоит в том, что **аудиторий много, и они разные**. Основной пул интервью позволил посмотреть на представления о срочной службе, характерные для образованных жителей крупных городов, про которых мы заранее знали, что они не стремятся в армию. Интервью с правозащитниками и несколько интервью с молодыми людьми из маленьких региональных городов дали шанс «одним глазком» заглянуть в другие классовые реалии. Даже этих немногочисленных материалов хватило, чтобы увидеть принципиальные различия между двумя группами.

При этом мы понимаем, что и в крупных городах есть люди, которые идут служить (а потенциально могли бы не идти). И, что особенно важно, в маленьких региональных населенных пунктах есть юноши, которые, несмотря на отсутствие предпосылок, тем или

инным образом все же формируют нежелание служить. Мы знаем, что такие люди есть, потому что некоторые из них сами обращаются к правозащитникам. В частности, по словам наших собеседниц и собеседников из правозащитного сектора, в последнее время участились обращения от потенциальных призывников с приграничных с Украиной территорий (для них связь между службой в армии и войной очевидна и осязаема). Мы также знаем, что вне Петербурга и Москвы есть люди, которые настолько уверены в своем нежелании проходить армейскую службу, что готовы подаваться на АГС и лицом к лицу сталкиваться с государственными институциями, пытаясь отстоять свои права. При всей прагматической непривлекательности и низком статусе АГС и при общем уровне недоверия к государственным инстанциям. Таких людей мы видим, например, в [фильме Татьяны Чистовой «Убеждения»](#), про некоторых можно [прочитать](#) в медиа.

Как в «неблагоприятных» для избегания службы социальных условиях у людей формируется желание ее избежать? Можно ли дотянуться до людей, которые считают службу нормой и помочь им увидеть альтернативные профессиональные траектории? Как в отношении к призывной армии проявляется социальное неравенство внутри крупных городов? Какая связь прослеживается между отношением разных групп к срочной службе и непосредственной (не) готовностью отправиться на фронт? Как в перспективе ближайших лет повлияют на отношение к срочной службе идущая война и мобилизация, увеличение призывного возраста, введение и дальнейшая эксплуатация системы электронных повесток, [«патриотические» мероприятия](#), направленные на популяризацию армии среди школьников, и другие новые вызовы? Все эти и другие вопросы требуют новых исследований, которые, как мы надеемся, могут оказаться полезны для инициатив, направленных на помощь потенциальным призывникам.

Напомним, что по [последним доступным количественным данным](#) (апрель, 2023) популярность срочной службы очень высока. Большинство (54 %) придерживаются точки зрения, согласно которой

«настоящий мужчина должен пройти службу в армии», на втором месте мнение об армии как о долге, «который нужно отдать государству, пусть это и не отвечает личным интересам» (31 %), и лишь 9 % россиян считают, что «службы в призывной армии нужно стараться избежать».

Между тем, качественное исследование позволяет понять, что за, казалось бы, безрадостной статистикой, которая может вызвать желание опустить руки, на самом деле скрываются очень разнообразные контексты, нормы, условия и наборы индивидуальных мотиваций. Из результатов статистики неясно, выделяли ли авторы исследования в отдельную группу ответы самих потенциальных призывников, для которых вопрос о прохождении службы является прежде всего насущной жизненной проблемой, а не темой для абстрактных ценностных рассуждений.

Кроме того, люди могут давать социально одобряемые и ценностно окрашенные ответы про «настоящего мужчину» и «долг государству», однако наши материалы демонстрируют, что сами призывники — как из числа привилегированных, так и нет — руководствуются именно прагматическими мотивациями. Рассуждения же о долге/отсутствии долга перед государством лишь обрамляют индивидуальную рациональность, придавая ей социально легитимную форму (ту, которая является нормативной в том или ином социальном контексте).

Здесь важно не упустить следующее: **несмотря на зеркальные ответы информантов из разных классовых условий, между ними больше общего, чем может показаться: всех их объединяет прагматический подход к службе.** Как образованные люди из крупных городов, обладающие социальными и финансовыми ресурсами, так и юноши из маленьких региональных населенных пунктов, рассуждают об армии прежде всего в утилитарных, карьерных категориях. С тем лишь отличием, что для информантов из основного пула перспектива срочной службы осознается как

карьерная потеря, а для собеседников из регионов — как (часто единственная) привлекательная траектория.

Вот реплика официанта в кафе из небольшого городка в Свердловской области — того самого молодого человека, который сокрушался из-за медицинской справки.

*«Когда я хотел [идти служить], то я не знал еще названий, я просто хотел пойти. Я только услышал, что **сумма большая после контракта**, если на 9 лет. Я подумал — хорошо, **как раз у меня ничего нет**, а там как раз **прослужу, деньги будут**, зато выйду, буду с деньгами хотя бы, **продвинусь дальше**. Девять лет — это контракт, ты там служишь, тебе звание каждые два года повышают. Это как в «[название кафе]» — если ты себя покажешь, то тебя повышают в должности».*

мужчина, 17, Свердловская область

Приведенная цитата иллюстрирует сугубо прагматический взгляд на службу в армии как на карьерную перспективу с финансовой прибылью и возможностями карьерного продвижения. Но, что особенно показательно, фразой «у меня ничего нет» собеседник по сути выражает ту самую классовую разницу, которую мы стремимся продемонстрировать: именно из этой точки отсутствия ресурсов и альтернатив армия кажется непривилегированным россиянам единственной привлекательной перспективой.

Итак, **отношение к армии может быть производным от социальных условий**. Это означает, что многие потенциальные призывники, даже те, кто подписывается под словами о «долге», вероятно, могут отказаться от службы, если предоставить им соответствующие ресурсы, показать привлекательные и престижные альтерна-

тивы и обрисовать личные риски. Нам кажется, что **в дизайне любых правозащитных инициатив не стоит списывать со счетов тех, кто родился без привилегий, даже если до них сложнее «дотянуться».** В противном случае мы будем воспроизводить действующий социальный порядок, основанный на неравенстве.

Изложение двух других идей не потребует развернутых этнографических примеров и подробной аргументации, потому что здесь мы по сути апеллируем к основной части исследования — прежде всего к разделам [1.1] и [2.1; 2.3].

Продублировать эти идеи в послесловии мы решили потому что, на наш взгляд, они выходят за пределы конкретного исследования срочной службы и могут быть полезны более широкому кругу проектов.

4[°]2 Акцент на частные интересы

На передний план в рассуждениях о срочной службе — по крайней мере, когда разговор строится вокруг личной биографии собеседника — выходят прагматические мотивации и частные интересы. Как видно из наших материалов, **прагматический взгляд на армию объединяет людей в совершенно разных классовых условиях, независимо от их убеждений**, позиций относительно войны в Украине и, собственно, даже от их (не)желания проходить службу. Условно говоря, юноша из большого города с высшим образованием, подписанный на оппозиционные медиа, с высокой вероятностью будет рассуждать о перспективе срочной службы в тех же утилитарных категориях, что и юноша из маленького регионального населенного пункта. Отличаться будут приписываемые армии положительные или отрицательные смыслы (для одного армия — карьерный барьер и потерянное время, для второго — карьерный трамплин и окно возможностей).

Этот пример напоминает нам о том, что **люди в ситуациях, которые напрямую касаются их жизни, чаще склонны рассуждать и действовать рационально**, взвешивая приобретения и потери, риски и выгоды (не только материальные, но и, например, статусные). Для социальной теории это не секрет. Социологи и экономисты, причем не только приверженцы теории рационального выбора, объясняют, почему даже за такими с виду непрагматическими практиками, как альтруизм, стоят рациональные мотивы и личные интересы (разумеется, системы рациональностей отличаются в зависимости от культурных, социальных, исторических, личных и других предпосылок — то есть для людей в разных социокультурных контекстах и с разным эмоциональным опытом разное будет казаться рациональным) [1; 2; 3]. Между тем, находясь в условном «либеральном пузыре», здесь мы, в частности, говорим про самих себя — об этом легко забыть; особенно после 24 февраля.

Мы привыкли мыслить в ценностных категориях, делить людей на «своих» и «чужих» по взглядам. Это нормально — убеждения и ценности есть у всех, они помогают людям солидаризироваться, объединяться в сообщества и формировать идентичность.

Однако — как дает основание предположить наше исследование — **на уровне решений и поступков, связанных с обустройством собственной жизни, ценностные установки и идеологии «работают» для людей хуже** — они слишком абстрактны, чтобы «примерить их на себя» и воплотить на практике. Не потому что люди «беспринципны» или «аморальны», а потому что люди в целом прагматичны, когда речь идет о планировании своей жизни — и это норма.

Можно вообразить себе инициативы, которые, к примеру, продвигают ценности «свободы слова», «гражданского общества» или «прав человека». Вероятно, такие инициативы соберут аудиторию, готовую, по крайней мере, на словах, разделить эти ценности. Однако, **едва ли люди будут менять свое поведение и привычки, пока им не станет понятно, в чем и как «свобода слова», «гражданское общество» или «права человека» помогут лично им, как они решат их проблемы и сделают их частную жизнь лучше.**

Тем более проигрышной кажется стратегия заведомо сегментировать аудиторию по убеждениям, отсекая людей «чуждых» взглядов. Убеждения и взгляды, в том числе на армию и войну, могут измениться, если у человека появится шанс осознать перспективы личных потерь и увидеть перед собой альтернативные траектории (об этом, например, говорят кейсы проекта «Идите лесом»).

Итак, рискнем предположить: КПД правозащитных и помогающих инициатив и шире, любых проектов, направленных на социальные изменения, можно увеличить, если выстраивать коммуникацию с

аудиторией, **апеллируя к интересам и рискам и не сегментируя людей по параметру убеждений.** В большинстве случаев, чтобы пойти на те или иные действия, изменить привычный образ жизни и поведение, людям должна быть понятна собственная выгода. Не потому, что с ними что-то не так, а потому что это люди.

4³ Правозащита и недоверие к государству

Почему наши ключевые информанты — образованные жители крупных городов, имеющие доступ к разнообразным источникам информации и широкий круг социальных связей — почти ничего не слышали о существующих правозащитных проектах? Почему многие предпочитают улаживать проблемы, связанные с угрозой срочной службы, «бездействуя», то есть уходя из зоны видимости государства или прибегая к платным полулегальным услугам, когда существуют легальные и бесплатные механизмы отказа? Выше мы писали о том, что наши собеседники по возможности хотят сами контролировать свою жизнь, минимизируя контакт с государством. Нам кажется, что тема недоверия к государственным институтам, которое пронизывает общество, нежелания ввязываться в отношения с официальной системой выходит за пределы вопроса об избегании срочной службы.

Государство в открытую [посылает](#) сигналы о том, что правовые механизмы в России не работают или работают избирательно. Кроме того, еще как минимум с кризисных позднесоветских времен россияне хорошо научились действовать неформально (этому посвящены разные исследования — например, [бестселлер](#) британской социологини Алены Леденевой, [книга](#) антрополога Джереми Морриса и [исследование](#) политолога Сэмуэля Грина). В решении своих проблем многие жители России не доверяют официальным институтам, зато уверенно действуют в неформальном поле, опираясь на личные связи и неписанные правила, а не на абстрактные законы.

В условиях, когда многие люди привыкли жить с мыслью, что без крайней необходимости великана лучше не будить, что коммуникация с государством может разрешиться не в твою пользу, неудиви-

тельно, что они не слишком активно откликаются на инициативы правозащитного сектора. В упрощенной картинке правозащитники воспринимаются как люди, которые предлагают взаимодействовать с системой легальными методами — искать лазейки в правовых документах, отстаивать законные права граждан, словом, действовать в законном поле. Если система сама играет не по правилам, а неформальное поле кажется более понятным и безопасным, то бороться за права в легальном поле может показаться нерациональной стратегией. Действительно, зачем вступать в какие-либо отношения с системой, которой не доверяешь? Развивая метафору, логика правозащиты как бы сама «подталкивает» беззащитного — на его собственный субъективный взгляд — человека в лапы того самого великана и поэтому пользуется ограниченным спросом.

К сожалению, в этом пункте наших компетенций и изобретательности не хватит, чтобы конвертировать наблюдение в конкретную рекомендацию. Как минимум, здесь потребуется отдельное исследование. Однако, не бесполезным первым шагом кажется поставить сам вопрос: **как более эффективно создавать правозащитные инициативы, проекты помощи и НКО в тех социальных средах, для которых здоровым смыслом является недоверие государству?**

Напоследок еще раз резюмируем основной посыл послесловия, адресованный не только проектам помощи военнообязанным, но и любым другим правозащитным и помогающим инициативам: нам кажется, что, учитывая специфику **социальных неравенств и отношений россиян с государством, проявляя внимание к частным интересам и рискам людей и не сегментируя аудитории по параметру ценностей**, можно помогать эффективнее.

лаборатория
публичной
социологии

